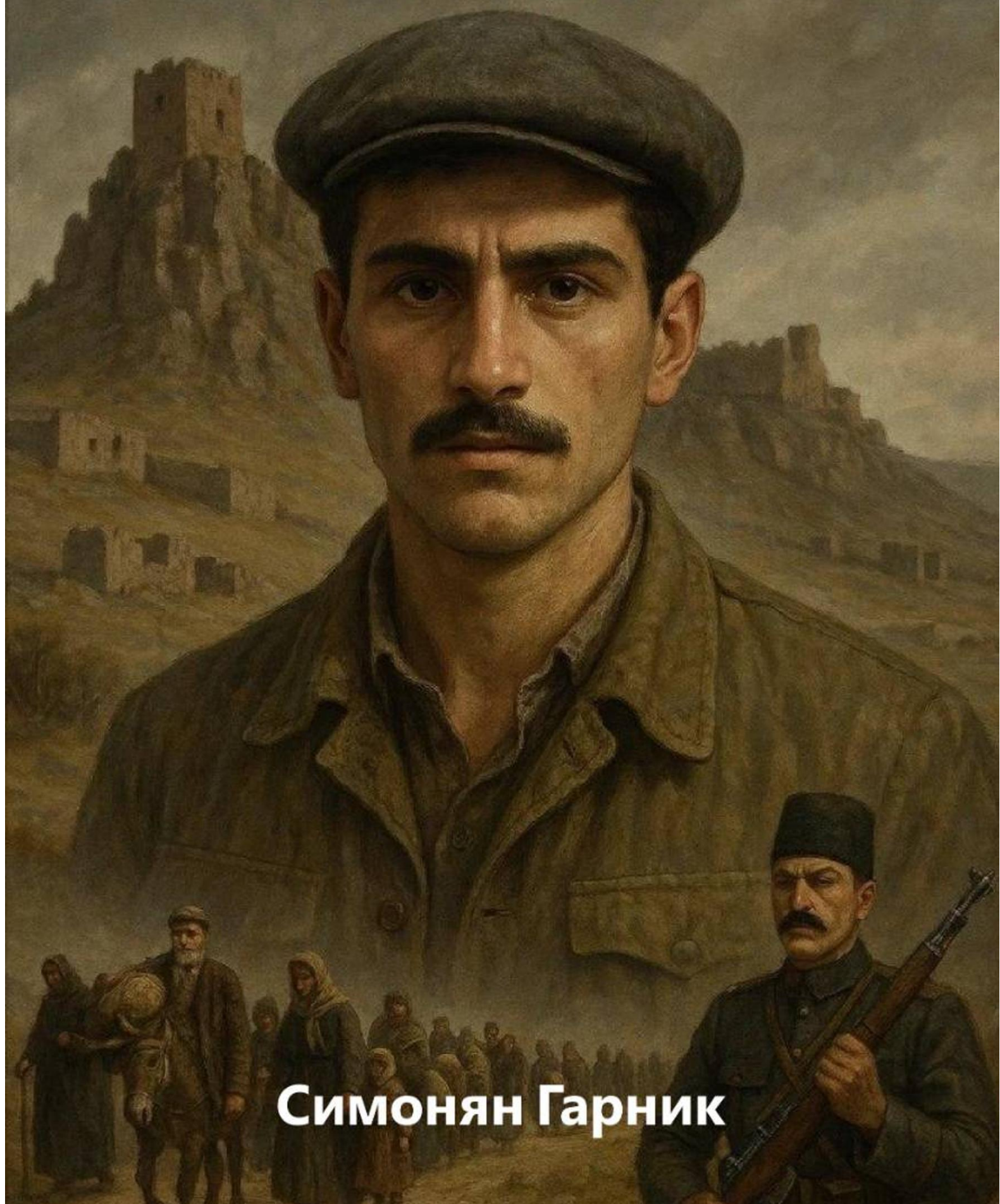

МАНУК

Симонян Гарник

Гарник СИМОНЯН

Манук

«Автор»

2026

Симонян Г.

Манук / Г. Симонян — «Автор», 2026

На основе собранных автором уникальных материалов представлена история западных армян, впервые в литературе рассказывается о сопротивлении спецслужбам Османской империи времён султана Гаида II и младотурок, реконструирована героическая оборона крепости Шапин-Карахисар противкратно превосходящих сил регулярных войск, описана репатриация армянских беженцев.

© Симонян Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Гарник Симонян

Манук

Часть I

Сивас. Сентябрь 1903 года

Над рекой Кызылырмак, на берегах которой расположился город Сивас, мирно летали голуби. Их разведение в последние годы стало популярным у горожан. Многие жители Сивасского вилайета Османской империи были армянами, ведь когда-то эти земли входили в состав Малой Армении. В беседах между собой они продолжали использовать старинные топонимы своей Родины, поэтому в обиходе реку Кызылырмак называли Галис, а город Сивас – Себастья. Эти названия использовались в конфиденциальных беседах, так как любое упоминание о Малой Армении жестоко каралось властями.

Поскольку город располагался на высоте более чем 1286 м над уровнем моря, климат имел свои особенности – зимой температура опускалась до минус 20 градусов, зато весна была ранняя, а лето – жаркое.

* * * * *

Поднявшийся над Себастией ветер растрепал кудри мастера ювелирных дел Мовсеса Акопяна. Он стоял посередине своего двора и вытирал пот со лба. Под старой одеждой просматривалась статная фигура крепкого тридцатипятилетнего человека. Прервавшись от работы по двору, Мовсес надел на себя безрукавку-кязахик и с интересом наблюдал за игрой трехлетней дочери Анаид, укладывавшей «спать» свою тряпичную куклу. Любовь, с которой дочка относилась к кукле, умиляла родителя, и его лицо расплылось в улыбке.

– Майрам, принеси, пожалуйста, воды; что-то утомило, – громко окликнул он супругу, копошившуюся в углу двора.

Двигалась Майрам плавно, без суеты, ведь вот уж совсем скоро в их семье появится второй ребенок. Красноватое платье из недорогого сатина, хорошо подогнанный кафтанчик, переливающийся богатством цвета «ковровый» передник и светло-коричневые туфли, говорили о хорошем вкусе хозяйки. Но особым изыском в ее костюме выделялась элегантная шапочка-поши из бархата, расшитая золотом и бисером.

До замужества Майрам носила провинциальные шаровары, прихватываемые у шиколотов резинками, а волосы собирала под тонкой косынкой. Мовсесу пришлось приложить немало усилий после свадьбы, чтобы убедить супругу перебороть свой страх и ложный стыд, и начать носить облегающее платье, входившее в обиход горожанок.

Утолив жажду, Мовсес продолжил начатое дело. Активно работая ураком,¹ он пересказывал супруге услышанную утром от одного из купцов историю о новых столкновениях армян Сасуна с отрядами султанских «гамедие».

– А что еще можно ожидать, – громко сокрушался Мовсес, – ведь люди доведены до отчаяния. Мы по-прежнему остаемся в положении угнетенного меньшинства «зимми». Многие уже не способны выплачивать джизию.² Мало того, что власти ограничили армян в правах, ввели запрет на владение оружием, так еще и позволили разбойничающим курдам облагать армян дополнительной данью.

Перепугавшись громких возгласов мужа, Майрам прошептала:

– Тише, тише, если тебя услышат, нам несдобровать!

¹ Урак - универсальный армянский топорик для выемок в древесине

² Джизия - налог за отказ принимать ислам. Всего же в Османской империи существовало порядка ста видов налогов, которыми облагались христиане.

Затемно, завершив свои дела, Мовсес направился в дом, где за накрытым столом его ожидали Майрам и дочка. На столе красовался глиняный горшочек с бараниной и запеченными овощами. Казалось, ничто в мире не может сравниться с запахом, исходившим от горшочка, но тут жена внесла только что испеченный хлеб...

После ужина, уложив дочку спать, супруги и сами засобирались ко сну. В дверь вдруг постучали. Это товарищ Мовсеса, сосед Мамикон Гукасян со своей супругой Бтхэм пришли в гости посудачить.

Мамикон с детства был позитивным человеком, любил веселые застолья, и в разговоре часто применял крепкие словечки. Его мягкая по характеру супруга, приветливо улыбающаяся при встречах, на этот раз, к удивлению, была грустна и немногословна. Супруги были явно чем-то обеспокоены.

Войдя в дом, Мамикон поздоровался с соседями и, повернувшись к Мовсесу, спросил:

– Мовсес, ты слышал о событиях в Сасуне?

Не отвечая на вопрос, после продолжительной паузы Мовсес произнес:

– Надеюсь на благоразумие и властей, и армянского народа.

Затем, опустив глаза, тихо буркнул что-то про «оружие наготове» и пропустил соседа вперед, приглашая к столу.

Долго беседовали товарищи о непомерных налогах, о курдских бандах, к которым теперь прибавились и некоторые выходцы из Северного Кавказа.³

Мовсес вспомнил скончавшегося пару лет назад отца, Петика, который предупреждал, что турки, захватившие армянские земли, никогда не успокоятся, пока окончательно не расправятся с армянами.

Майрам и Бтхэм ушли в другую комнату, где пошутукавшись, стали обсуждать рецепты армянских блюд. Майрам поведала о старинном рецепте ёка,⁴ которым пользовалась еще ее бабушка.

– Приготовление ёка имеет свои секреты. В слегка подсоленную воду добавь муку и замеси тесто. Затем раскатай его и положи сушиться на горячем металлическом листе. Сухие лепешки опусти в подсоленную воду. В середину ёки можешь добавить натертый сыр, яйца, и после прожарки на топленом или сливочном масле подавай на стол.

Выслушав рецепт, Бтхэм отметила, что в ее семье больше любят беря, традиционно подаваемые трабзонскими армянами.

– Для беря нужны не сложные ингредиенты, – отмечала Бтхэм. – Из подготовленного теста раскатываются лепешки чуть толще ёка. Затем вареный рис (можно мясо, картофель или сыр) с прожаренным луком накладываем на уложенную лепешку. Накрываем сверху другой лепешкой и пальцами защипываем края. В таком виде они могут храниться долго. Перед тем, как подавать на стол, беря обмачиваем в соленой воде и обжариваем с двух сторон на сливочном или топленом масле.

Женская беседа может длиться бесконечно. Но, когда за полночь мужчины завершили общение, Бтхэм тоже засобиралась.

Воскресная Литургия

Утро в Себастии особенное. Под давлением предрассветных сумерек отступает ночь; постепенно проступают очертания зданий и деревьев, дует легкий ветерок, все более светлеет небо на востоке. Природа будто замирает и незаметно просыпается. Сонную тишину взрывает многоголосый птичий хор. Первые лучи появившегося солнца озаряют стоящий на пригорке старинный армянский монастырь Сурб Ншан. Словно играя с куполами расположенных

³ По окончании в 1864г. «Кавказской войны» из Российской в Османскую империю стали массово переселяться выходцы из Северного Кавказа, обобщенно именовавшиеся там черкесами.

⁴ Ека и беря – жареные лепешки, готовящиеся по рецептам западных армян

в монастыре церквей Сурб Аствацацин, Сурб Хач и Сурб Карпет, лучи медленно опускаются и на башни османских мечетей. Стелющаяся по земле утренняя прохлада начинает отступать. Будто проснувшись, выстраиваются на переключку волны величественного Галиса, весело играя с солнечными лучами. Петухи поют свою утреннюю «серенаду», где-то лают собаки, слышатся голоса людей, суетящихся по хозяйству. Вдалеке звучит монотонный голос муэдзина, призывающего мусульман к молитве.

Город проснулся.

* * * * *

В воскресное утро в доме Мовсеса легкая суета. Домочадцы после утренних процедур и завтрака оделись в праздничные наряды и направились в церковь на воскресную Литургию. Этот древний ритуал служения Христу не подвергается сомнению; армяне следуют ему из поколения в поколение. Опережая родителей, вприпрыжку бежит Анаид, которая нарядилась, как и мама, в платье с кафтанчиком, разноцветным «ковровым» передником и ярким поши на голове. Но особая гордость Анаид – простенькое ожерелье, изготовленное папой.

Так уж повелось, что семья Мовсеса для участия в воскресной Проповеди выбрала церковь Сурб Аствацацин. Святость и теплота, исходящие от церкви и священнослужителей, подталкивали людей посещать ее и в будние дни. В церкви имелось хранилище средневековых армянских рукописей, соприкосновение с которыми одухотворяло армян, отличающихся своим уважительным отношением к книгам.

Примечание: фото «Сурб Ншан» взято из свободного доступа в интернет

Мовсес с семьей вошли в церковь и зажгли свечи. Майрам с Анаид проследовали к женщинам, стоящим отдельно, Мовсес – к мужчинам. Внутреннее оформление армянских храмов, как и внешнее, традиционно аскетичное, ведь и сам Иисус Христос был аскетом.

В зал вошли священник Тер Вардан и дьякон. Благословив прихожан, они со смиренным видом проследовали к алтарю. Началась Святая Литургия.

Голоса священника и паствы как никогда слились воедино в своем воззвании к Богу:

Айр мерь, ворь Еркинс ес! Сурб егици анун ко, Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое,

Екесце аркаютюн ко, Егици камк ко Да придет Царствие Твое. Да будет воля Твоя как на небе,

Ворпес Еркинс ев Еркири. Зеац мер анапазорд Так и на земле. Прости нам долги наши,

Тур мез айсорь ев тох мез зпартис мерь, Как мы прощаем должникам нашим.

Ворпес ев мек тохумк мероц партапанац. И не введи нас во искушение,

Ев ми танир змез и порцютюн, Но избавь нас от лукавого,

Айл пркеа змез и чарэ. Ибо твое есть Царство

Зи ко э аркаютюн ев зорутюн И Сила, и Слава вовеки.

Ев парк авитеанес! Во имя Отца, и Сына, и Духа Святого!

Амен! Аминь!

Произнеся «Анун хорь, ев ворду, ев ногу, српой! Амен!»⁵, прихожане покрыли себя трехкратным Крестным Знамением.

Последовавший молебен священника восхвалял Творца. Казалось, на этот раз он звучал более проникновенно и таинственно. В сложные времена призывы к Господу особенны, ведь они всегда исходят из глубины души.

Общение с Богом через произнесенную молитву утешило людей, лица разгладились и просветлели. Твердый голос Тер Вардана, перешедшего к чтению Проповеди, призывая к вере, надежде и любви, придавал прихожанам уверенность и спокойствие.

Несмотря на то, что после Проповеди наступило относительное умиротворение, на душе у Мовсеса все равно было беспокойно. Он решил пойти в церковь Сурб Хач, в которой хранился царский трон последнего правителя Васпураканского царства Сенекерим-Ованесса Арцруни и Святой Крест Варага.⁶ Мовсес часто приходил в этот храм и подолгу стоял у реликвий, мысленно беседуя с усопшими правителями исчезнувшего государства.

Попрощавшись с прихожанами, он предложил супруге идти с дочерью домой. Сам же направился в Сурб Хач.

* * * * *

После Литургии холостые парни собрались во дворе церкви и, согласно установившейся традиции, пошли купаться в Кызылырмак. Лет десять назад они ватагой мчались в сторону реки. Но повзрослев, остепенились и не позволяли себе мальчишеских выходок.

Впереди шел садовник Барсег по прозвищу «Молочник» - долговязый молодой человек с впалой грудью и крючковатым носом. Когда-то в детстве его приводили в пример, как строго чтущего пост. Однако, вскоре вскрылась его хитрость - в период поста он тайком пробирался в погреб, наклонял бидон с мацуном⁷, не повреждая пенку съедал часть содержимого, доливал воду и ставил емкость в исходное положение. Пенка прикрывала съеденное и скрывала следы чревоугодия. С тех пор за ним и закрепилось это прозвище.

Следом за ним следовал двадцатилетний двоюродный брат Мовсеса – балагур Давид, со своим неразлучным другом Хачатуром. За ними, подшучивая друг над другом, шла основная

⁵ Во имя Отца, Сына и Святого Духа, Аминь!

⁶ Крест Варага содержал частицу Креста Господня и принадлежал когда-то Святой деве Рипсимэ

⁷ Мацун – молочнокислый продукт

масса ребят. А замыкали группу садовник Овсеп, каменотес Петрос и Ованес, который, работая в торговой кампании дяди, объехал всю Османскую империю, Персию и Индию.

Подойдя к месту, ребята разом попрыгали в прохладную воду горной реки. Спокойное течение Кызылырмак подталкивало их к излюбленным водным состязаниям. На протяжении последних лет лучшим пловцом становился Ованес. Вот и этот раз не стал исключением – он уверенно обогнал товарищей. После него практически одновременно к финишу приплыли трое, что вызвало ожесточенные споры. Так и не определив второго и третьего «призера», молодежь пошла в сторону больших камней, на которых были разложены домашние припасы.

Но тут случилось непредвиденное: находившийся все это время на берегу бродячий пес медленно подошел к штанам «Молочника», обнюхал их, схватил и стал убежать, энергично размахивая пушистым хвостом. Барсег и трое ребят кинулись вдогонку, крича и швыряя вслед убегающей собаке палки, валявшиеся на берегу.

– Эй, Молочник, опять что-то съестное хотел утаить от коллектива?! - раздавался хохот парней.

Пес и не думал останавливаться. Он добежал до глубокой расщелины и исчез в ней вместе с унесенными брюками. Все попытки выманить его оттуда оказались тщетными.

– Что там у тебя в карманах, Молочник? – пытаюсь дотянуться до собаки, вопрошал Хачатур.

То ли от бега, то ли от стыда Барсег покраснелся, и не отвечая товарищу, с истошными криками носился вокруг расщелины, пытаясь выманить собаку. Но пес, не обращал никакого внимания на развернувшуюся вокруг суету. Он разорвал ткань, добрался до чего-то съестного, и аппетитно чавкая, пережевывал добычу.

Наконец-то Хачатур дотянулся до брюк, и под уже безразличным взглядом пса вытащил их наружу. Натянув на себя рваные штаны, Молочник в сопровождении ребят поспешил к начинающемуся застолью.

Подтрунивая над Барсегом, неоднократно попадавшемся на утаивании еды, молодежь продолжила трапезу.

* * * * *

После обеда ребят разморило, они расслабились и попримолкли. Только плескавшиеся волны реки продолжали монотонно нарушать тишину.

Первым молчание прервал Овсеп: он громко запел популярную среди сивасцев песню «Тамам ашхар» Саят-Новы. Его поддержал Хачатур, мелодично подпевая:

Ты - дивный жемчуг. Счастлив тот, кому судьба отдаст тебя.

Не пожалеет, кто найдет, но горе - обронить тебя.⁸

Мелодичная песня неслась над водной гладью, извещая округу о празднике жизни. Кажется, природа замолкла, и слушает молодые голоса, полные надежд на лучшее будущее.

После песни на душе парней стало спокойно и тепло, они опять примолкли, и стали мечтательно наблюдать за рекой, уверенно несущей воды в сторону далеких морских просторов. Каждый думал о своем, о чем-то хорошем и добром.

Затянувшуюся тишину на этот раз прервал голос Хачатура. Он тихо стал выводить мелодию «Зейтунского марша»:

Зейтуңцы в путь! Уже светло.

Бери ружье, садись в седло,

Пойдем вперед!

Патриотическая песня всколыхнула ребят, лица стали серьезными. Последние слова куплета они уже пели вместе:

Доколь, доколь хребет склонять,

⁸ Саят-Нова (1712-1795 гг) – армянский поэт, ашуг.

Тирану шею подставлять?»⁹

Сразу после завершения песни вдруг распалился Петрос:

– Мы не можем сидеть, сложа руки, и спокойно наблюдать как султан расправляется с нашими братьями в Сасуне и Муше!

– Они хотят расправиться с нами поодиночке, – донесся чей-то голос.

– Незачем ожидать благосклонности султана, – произнес отличавшийся рассудительностью Ованес. – Турки умело усыпляют бдительность. Не зря ведь наши предки говорили: «Имеется дело с турком – не выпускай палки из рук», а греки замечали: «Если турки говорят о мире, готовьтесь к войне». Мы должны надеяться только на себя.

Молодежь шумела, предполагала различные варианты развития событий. Были и такие, которые считали, что султан смилостивится и остановит злодеяния. Однако их голоса оказались в меньшинстве.

Распаленная молодежь еще долго не расходилась, пытаясь найти какие-то приемлемые варианты участия в разрешении проблем своего народа.

* * * * *

Осеннее солнышко ласково прогревало землю, а порывистый ветерок уже срывал с деревьев листву и гонял ее по улицам Сиваса. Мовсес не спеша добрал до Сурб Хача и вошел внутрь церкви.

Просторная с высокими потолками, она казалась еще больше из-за простоты интерьера. Рисунки со святыми ликами под потолком поблекли; краска на стенах потрескалась и обсыпалась, пол при ходьбе громко скрипел. Зданию требовался ремонт, но из-за отсутствия средств и необходимого разрешения властей, восстановительных работ давно не проводилось. Несмотря на это, в помещении сохранялась атмосфера духовности и величия.

Подойдя к царскому трону, Мовсес замер. Сюда он неоднократно приходил с отцом и старшим братом Карапетом. Подолгу они стояли, вслушиваясь в многовековую тишину. Знавший множество историй от отца и деда, Петик рассказывал их сыновьям. Вот и теперь Мовсес вспоминал историю родного города, служившего с древних времен важным звеном Шелкового пути.

– Наверное, именно из-за своего удобного месторасположения он столько раз подвергался атакам алчных племен и народов? – задавался вопросом Мовсес.

Вспомнились ему и запечатлевшиеся события октября 1895 года. Тогда в Сивасе начались погромы армян. Особенная жестокость была проявлена исламистами в районе базара. Разгромив лавки, погромщики окружили постройку «Новый хан», за стенами которой забаррикадировались более 400 армян. Пробив отверстие, разъяренная толпа при поддержке солдат и жандармов ворвалась внутрь... Зверства завершились лишь под утро, когда к толпе обратился заместитель губернатора: «Вчера долг мусульманина обязывал убивать неверных и награбленное было наградой правоверным. Сегодня все должно прекратиться».¹⁰

Стоя у трона, Мовсес всякий раз мысленно обращался к последнему царю Малой Армении Сенекериму-Ованесу: «Как же так получилось, что мы отдали свою страну на растерзание кочевникам?»

Промышленник Карапет

В связи с тем, что султан Абдул-Гамид II налаживал тесные контакты с европейскими странами, он был вынужден пойти на ряд мер, смягчающих отношение имперских властей к различным западным веяниям. Коснулось это и моды: в элементах мужского костюма все

⁹ «Зейтунский марш» (перевод В. Брюсова) являлся призывом к борьбе с тиранией; сочинен в 1893 году

¹⁰ Нерсисян М.Г., Саакян Р.Г. «Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов». Ер., изд. АН Арм. ССР, 1966, с.225

больше стали встречаться рубашки французского покроя, да и немецкого фасона брюки начали теснить традиционные шелковые штаны «дзагшин».

Старший брат Мовсеса, Карапет, пошел по стопам дяди и стал промышленником, специализируясь на пошиве мужской одежды. Уловив новые веяния, Карапет сумел сориентироваться и наладил производство мужских рубашек и брюк европейского покроя. Под его непосредственным началом работало уже более 150 человек и еще около 30 разнорабочих временно привлекались со стороны. Выпускаемые изделия хорошо раскупались, производство росло, и вскоре его продукция стала продаваться за пределами родного вилайета. Но основная часть товара отвозилась в столицу империи, где сразу же раскупалась местными модниками. Карапет стал подумывать о расширении производства.

В один из сентябрьских дней 1903 года, когда уже не так сильно допекал зной, Карапет засобирался в Константинополь. Он давно мечтал поставить производство в столице, где, по его мнению, развитие бизнеса будет динамичней, да и жизнь поинтересней.

Одевшись в темный костюм и светлую рубашку модного покроя, попрощался с женой - Гаянэ, сыном Акопом, дочерьми Ахавни и Астхик, и с утренним экипажем тронулся в дальнюю дорогу. В Константинополе он планировал пару дней провести с партнером по бизнесу - молодым турком Фаридом, владевшим магазином по продаже одежды. Фарид долгое время прожил в Европе, поэтому несколько отличался от обычных турок, выделявшихся своей фанатичностью и подозрительностью. Карапет именно с Фаридом и намеревался открыть новое производство в столице, о чем давно поделился с бизнесменом и получил его согласие. Эти перспективы манили обоих, так как за счет снижения расходов, в первую очередь, на транспортировку товара, должна была понизиться себестоимость продукции, а это в конечном счете сказалось бы на увеличении сбыта товаров и прибыли.

Прихватив гостинцев для детей партнера, Карапет тронулся в путь. Дорога была не близкой, пролегла через Ангору,¹¹ в которой он планировал походить по знаковым местам и переночевать. Большую часть времени Карапет намеревался посвятить изучению достопримечательностей старой крепости Хисар в центре Ангоры, на камнях которой оставались «следы» хеттского, римского и византийского периодов. Его также интересовал и Храм Августа и Рима в Улусском квартале города.

Прибыв в Ангору, Карапет проследовал в район Хамамону, где снял комнату в небольшой гостинице. Поужинать он решил в уютной чайхане, располагавшейся рядом с гостиницей.

Просторное помещение, обставленное в узбекском стиле, было застлано множеством ковров, и наполнено ароматом восточных специй. В углу сидел бродячий музыкант и наигрывал заунывную музыку на сазе.

К вошедшему гостю подбежал официант и поинтересовался его предпочтениями. В дороге Карапет немного простыл, поэтому заказал себе прогревающий суп «шифа чорбасы» из чечевицы, сельдерея и перца, подаваемый с хлебной лепешкой «пита». Также он попросил запеченную морскую рыбу, поставляемую местными рыбаками.

Насытившись, Карапет заказал чашечку кофе с пахлавой, и с любопытством стал разглядывать посетителей.

У окна сидит турок средних лет и раскуривает кальян наргиле, заправленный высококачественным курдским гашишем, запах которого не возможно спутать ни с каким другим.

За соседним столиком расположился седовласый старик в кавказской папаче и о чем-то расспрашивает подошедшего к нему официанта.

За другим столом сидят колоритно одетые четыре курда, отличающиеся от других посетителей национальными головными уборами Servin и жилетками Selte. Оживленно беседуя и агрессивно размахивая руками, они ни на кого не обращают внимания. Карапет, знавший

¹¹ Ангора – нынешняя Анкара

кроме армянского, турецкого, французского и итальянского языков, еще и курдский, решил прислушаться к их беседе. Вначале он думал, что речь идет о неоплате поставленной партии высококачественного гашиша, коим по всей империи помышляли курды. Однако выяснилось, что двое курдов, прибывшие издалека, по заказу своих собеседников привезли на продажу крупную партию мяса и шкур. Покупатели, осознав, что продавцы сбывать столь большую партию в иное место не смогут, решили снизить закупочную стоимость. Не согласные на понижение цены, курды-продавцы, упоминая Аллаха, пытались призвать к совести покупателей, однако, те стояли на своем. Договориться явно не получалось. Неожиданно один из них подскочил, взялся за рукоятку кинжала и пригрозил убить хитрецов на месте. В этот момент в чайхану зашли четверо жандармов, предусмотрительно вызванные служащими заведения. Завидев стражей порядка, курды поприумолкли. Посидев еще немного, они рассчитались и ушли.

К жандармам вышел хозяин заведения и долго благодарил. Затем он сунул в руку одного из стражей сверток с деньгами, после чего блюстители порядка, довольные случайным приработком, удалились.

Сидя за столиком в тишине, Карапет расслабился. Но какой же кофе без хорошего собеседника?

– Кошум,¹² - подозвал Карапет официанта, – кто тот седовласый человек в папахе и чем он обеспокоен?

– Эфенди, это черкес-мухаджир, переселившийся к нам из Российской империи, – быстро отвечал официант. – Он следует в Сивас; интересовался предстоящей дорогой.

– Передай этому эфенди, что я только что приехал из Сиваса и могу рассказать и о дороге, и о городе, которым он интересуется, – предложил Карапет.

Официант передал черкесу слова Карапета. Тот обрадовался и пересел за стол к Карапету.

Поинтересовавшись длительностью пути, черкес рассказал, что едет к своему родственнику, которому власти Османской империи предложили поселиться в Сивасе. В ходе завязавшегося разговора собеседник представился Ахмедом и сообщил, что когда-то жил в Причерноморском ауле Тхагапш, расположенном у подножия хребта Бгышу; выходец из шапсугского рода хакучей. С его слов, он «участвовал в войне против русских».

– Несмотря на превосходящие силы русских, мы могли бы выстоять, – сокрушался старик, – однако оказались несплоченными и не смогли договориться друг с другом о совместных действиях. Мой род, не желая сдаваться русским, долго скрывался в верховьях реки Аше, однако, особая военная экспедиция русских нашла нас в 1866 году и на заранее подготовленных турецких лодках выпроводила в Османскую империю. Казалось, распалившийся Ахмед решил выложить всю свою боль, накопившуюся в его душе за десятилетия.

Увидев перед Карапетом тарелку с остатками еды, черкес сказал, что уже много лет не ест рыбу, пойманную в Черном море, так как она вскормлена телами погибших в море десятков, а то и сотен тысяч его соотечественников.

– Доверившись единоверцам, мы потеряли бдительность, – продолжал старик. – Турецкие моряки грабили и топили несчастных черкесов, вывозя их в море. Затем возвращались за следующей партией ничего не подозревающих беженцев, и весь ужас повторялся.

Узнав, что Карапет армянин, Ахмед, понизив голос, чтоб не слышали окружающие, произнес:

– Бежав от агрессивных русских, мой народ попал в руки кровожадных турок.

Карапет с большим вниманием слушал черкеса, поведавшего ему о страданиях своего народа. А в голове у него никак не укладывалась мысль черкеса об «агрессивных русских».

¹² Кошум - обращение к официанту в Османской империи

Ведь в сознании всякого армянина упоминание о русских вызывало ассоциации лишь с такими понятиями, как свобода, честь и порядочность.

Размышляя об этом, Карапет поспешил защитить русских в глазах Ахмеда. Но лицо старика помрачнело, и, уставившись в упор на собеседника, он парировал:

– Если русский царизм так любит армян, то почему же на протяжении вот уже двадцати лет он пытается закрыть ваши школы и церкви?¹³

Желваки Ахмеда заходили, воцарилась пауза, после чего старик продолжил:

– Я был из числа последних адыгов, покинувших свою родину в качестве мухаджира. Старый контрабандист, на корабле которого я перебирался в Османскую империю, поведал, что в Константинополе слышал от высокопоставленного турецкого жандарма о договоре между султаном и русским царем, решившими обменяться непокорными народами. Царь, уставший от бесконечной войны на Кавказе¹⁴, согласно договору, любыми удобными ему способами выдавливал в Османскую империю черкесов, а султан должен был сделать то же самое с армянами, выдавив их на территорию России.

Карапет с сомнением слушал черкеса. В его голове никак не укладывалась мысль: «Каким образом можно выселить многочисленный армянский народ с родных земель?»

Ахмед внимательно посмотрел на Карапета и продолжил:

– Сразу после того, как русские выгнали нас, по указу царя была создана специальная комиссия по обследованию опустевших территорий Черкессии. Входивший в эту комиссию высокопоставленный агроном Хатисов впоследствии был направлен в Османскую империю, чтобы уговорить армян переселиться на наши опустевшие территории. Миссия Хатисова провалилась, так как желающих среди армян оказалось совершенно немного. Как будет султан переселять армян в Россию одному Аллаху известно.

Сказав это, Ахмед резко поднялся и двинулся в сторону выхода. Затем вдруг, развернувшись, возвратился, в упор уставился на Карапета своими налитыми кровью глазами и произнес:

– Армянам, несомненно, уготована такая же судьба, как и черкесам!

Долго в задумчивости и недоумении Карапет смотрел вслед удалившемуся черкесу, размышляя о сказанных им словах. Посидев еще немного в чайхане, он проследовал в свой номер.

* * * * *

Рано утром Карапет наскоро позавтракал и проследовал к ожидавшему его экипажу. Навстречу ему попадались лишь сырьювчики с корзинами, доверху наполненными старым тряпьем.

Покатавшись по утренней Ангоре, Карапет проехал к крепости Хисар, построенной хеттскими племенами еще до нашей эры.

Подойдя к цитадели, он поздоровался со стоящими у входа жандармами, произнеся принятое в этих случаях «Да здравствует падишах» и прошел в ворота. Позади остались величественные башни крепости и Карапет оказался на площади, где местные жители, несмотря на раннее утро, уже приготовились вести торговлю. Скучающие в отсутствии покупателей, торговцы не теряли время даром: они разложились под раскидистыми деревьями и стали играть в нарды, периодически громко проклиная зары, не приносящие желаемую комбинацию цифр.

Взгляд Карапета остановился на ковре из верблюжьей шерсти. Изделие было украшено светлым орнаментом, по краю которого красовалась зеленоватая полоска. Карапет пощупал ковер, убедился, что изделие приятное на ощупь, поинтересовался структурой ворса и ценой.

¹³ Катвалян М.А., Оганесян П.О. «История Армении», Ер., изд. ЕГУ, 2014, с.321, с.373 В 1884г. Александр III «Правилами о церковных училищах ААЦ» ограничил работу армянских школ. А Николай II в 1903г. издал указ «О конфискации имущества армянской церкви».

¹⁴ «Кавказская война», начавшаяся в 1817 г. при царе Александре I, охватила весь период царствования Николая I и закончилась в 1864 г. при его сыне Александре II

– Могу ли я приобрести ковер через десять дней когда буду ехать обратно? – спросил он у хозяина товара.

– У меня в продаже еще два таких ковра. Один могу попридержать для вас, эфенди, – ответил тот.

Оставив залог, Карапет продолжил экскурсию.

За воротами Зиндан он попал во внутреннюю часть крепости, изобиловавшую старинными полуразрушенными постройками с колоннами и саркофагами. Далее он поднялся на самую высокую точку – башню Ак Кале, где с высоты любовался открывающимся видом. Потратив на просмотр крепости больше времени, чем планировал, Карапет на этот раз не стал посещать Храм Августа и Рима, а поспешил в гостиницу. Впереди был неблизкий путь, который предстояло проделать уже по железной дороге Ангора – Константинополь.

Повитуха. Декабрь 1903 года

Все сроки беременности Майрам уже прошли и Мовсес, на всякий случай, старался поменьше отлучаться из дома. Накормив дочку и уложив ее спать, мастер целиком углубился в работу.

Вдруг он услышал голос супруги, доносившийся из комнаты:

– Мовсес, кажется, у меня началось. Скорей сходи за повитухой.

Быстро подойдя к супруге, Мовсес уложил ее в постель и побежал за известной в городе старушкой повитухой, проживавшей недалеко от них. К большой радости, он застал ее у крыльца дома; та разговаривала с соседкой. Повитуха сразу засобиралась, и они пошли к роженице. Несмотря на свой преклонный возраст, женщина очень быстро передвигалась. Ее крепкие ладони придавали Мовсесу уверенности, что роды пройдут успешно.

Войдя в дом, старушка повернулась к уголку с иконкой, перекрестилась и проследовала в комнату, в которой, кроме роженицы ожидала дальняя родственница Мовсеса.

– Ну, родной, – обратилась она к Мовсесу, – тебе за мной нельзя. Стой и жди: если надо будет, позову.

Сказав это, повитуха закрыла за собой дверь. Казалось, Мовсес прождал целую вечность. Слыша за дверью крики супруги, он несколько раз порывался вбежать туда, но какая-то неведомая сила удерживала его и успокаивала. Эти крики разбудили Анаид, и она подошла к отцу.

– Папа, папа, мне страшно. Мама заболела? – забеспокоился ребенок.

– Нет, доченька, все нормально. Видишь, бабушка пришла, она поможет, и все будет хорошо, – как мог успокаивал Мовсес дочку.

Но вот раздался детский крик. Мовсес поневоле присел на стул. В голове пронеслось: «Как там моя Майрам? Мальчик или девочка?» Не понимая, что происходит, Анаид все смотрела на папу и ждала, когда тот что-нибудь прояснит.

В это время повитуха стала обмывать младенца, взяла заранее приготовленную соль, обмазала ею ребенка для удаления неприятных запахов и смазала рот новорожденного медом, чтобы речь в будущем была сладкой и красивой; перерезала пуповину и завернула дитя в пеленку. После чего, толкнув дверь, старушка торжественно произнесла:

– Мальчик у тебя, мальчик! Радуйся, отец! Радуйся, Анаид, братик у тебя!

Не чувствуя под собой ног, Мовсес забежал в комнату. Майрам устало посмотрела на супруга, затем перевела взгляд на повитуху, на руках которой ребенок, завернутый в пеленки, криком извещал мир о своем рождении. Поцеловав супругу, Мовсес потрепал через пеленку ребенка и произнес:

– Продолжатель нашего рода! С честью неси нашу фамилию! Живи, малыш!

Анаид стояла в растерянности посередине комнаты и не понимала сути происходящего.

– Подойди сюда, Анаид, обними маму, взгляни на братика, – позвала девочку повитуха.

Подбежав к матери, Анаид обняла ее, поцеловала и почему-то замолкла. Затем неуверенно подошла к братику и стала с удивлением изучать его лицо.

Еще до рождения ребенка Мовсес и Майрам решили: родится мальчик - назовут его именем своего знаменитого земляка – писателя-богослова монаха Мхитара Себастиаки, который при рождении был назван Мануком.¹⁵

– Анаид, доченька, как назовем братика? Мы с мамой хотели бы назвать его Мануком. Ты не будешь возражать? – спросил Мовсес.

– Нет, – смутившись, выдавила дочка.

Повернувшись к повитухе, Мовсес по армянской традиции вручил ей чистую пеленку, кусок мыла и проводил к столу с чаем и сладостями. Помогавшая акушерке родственница Мовсеса подхватила подарки и перенесла их в специальную комнату, заранее подготовленную для повитухи, ведь ей предстояло прожить в доме роженицы ближайшие шесть дней, чтобы помочь женщине восстановиться и ухаживать за новорожденным.

Константинополь. Декабрь 1903 года

Прибыв в столицу, Карапет нанял экипаж, который провез его через городские ворота, и под монотонный цокот копыт покатился по мощеной улице Юксек-Калдирим в сторону отеля Эски Шиехир, принадлежащего бизнесмену. Приезжая в столицу Карапет всегда останавливался в этом уютном отеле, расположенном в историческом центре Константинополя.

Большая входная дверь, богато инкрустированная вставками из различных пород древесины, подчеркивала значимость отеля. Высокие потолки и современный дизайн выделяли стремление владельца следовать веяниям европейской моды. Вместе с тем, стены отеля были декорированы как европейским, так и восточным орнаментом.

¹⁵ Мхитар Себастиаки когда-то служил в Сивасском монастыре Сурб Ншан, а затем основал известный армянский религиозно-ученый союз «Обитель Мхитаристов» на острове Святого Лазаря в Венеции.

узорами. Пол устлан коврами, на которых расставлена мебель - в углу тахта, покрытая парчой, посередине диван, накрытый персидским ковром, а под окном грациозно восседавший сундук, украшенный резными решетками.

Карапет переоделся в платья свободного покроя, забрал заранее приготовленные гостинцы и вышел из отеля. Ожидавший его экипаж живо помчал в сторону крытого рынка «Капали чарши», где располагались магазин компаньона и его небольшой уютный дом.

У дома Фарид Карапет разгрузил вещи, поправил ворот костюма и постучал в дверь. Долго ждать не пришлось, дверь отворил хозяин - среднего роста молодой человек. Следом выбежали его дети - Яшар и Умуд.

Обнявшись с Фаридом, гость повернулся к детям:

– Ну, кто здесь вырос, кого уже не узнать? – нарочито строго спросил Карапет. – А кому я подарки принес?

– Мне, мне, – закричали дети, перебивая друг друга.

Они давно слышали о намечающемся приезде дяди Карапета, поэтому очень обрадовались гостю. Распаковав свертки, Карапет достал две круглые армянские гаты, испеченные супругой накануне, и передал их детям - каждому по одной. Затем, покопавшись в сумке, достал двое брюк, сшитых его мастерами специально для детей Фариды, и передал им для примерки. Несказанно обрадованные, дети схватили подарки и побежали внутрь дома.

Пообщавшись немного в коридоре, Фарид подхватил Карапета под локоть и проводил в просторную гостиную, где его уже ожидали домочадцы. Стоявшая посередине комнаты супруга Фариды приветливо поздоровалась и произнесла слова благодарности за гату и брюки, которые уже красовались на детях. Светлые, вошедшие в моду европейского покроя брюки на Яшаре, и темные на Умуде, оказалась впору и по размеру, и по фасону, чему Карапет оказался рад не меньше самих детей.

– Фарид, Наргиз, а для вас я принес виноградный сок, изготовленный из своего урожая; и абрикосовое варенье, переданное моей супругой специально для Наргиз, – сказал Карапет, протягивая подарки хозяевам.

После приветствий компания дружно переместилась к столу.

Зная о приезде компаньона Фарид приготовил адана-кебаб, который укрытый тонким лавашем, дождался на столе. Рядом стояли рюмки и графинчики с крепкой виноградной водкой раки и дюзико. Наргиз тоже блеснула кулинарным мастерством, приготовив сарму с начинкой из мяса жареного гуся, плова и миндаля, а также борек с бараниной, сыром и овощами. Украшенный различной зеленью и салатами, стол смотрелся великолепно.

Приятное застолье, разбавленное разговорами, в основном о детях, завершилось, и Фарид с Карапетом переместились на балкон, где им были поданы кофе с молоком и сладости.

Карапет приступил к основному разговору:

– Фарид, давай обсудим наши планы на завтра. Хотелось бы быстрее решить намеченные задачи и вернуться домой.

– Как и договаривались, я нашел здание для пошивочного производства в квартале Пера, – сообщил Фарид. – Хозяин здания готов уступить его по сходной цене. Завтра съездим туда, посмотрим, если понравится – возьмем. Кроме того, предстоит переговорить с опытным в производстве швейных изделий французом, который готов работать с нами. Обученный персонал у него имеется.

Карапет одобрительно закивал. Как и всякого делового человека, накануне открытия нового дела, его обуревали большие сомнения – получится или нет. Однако, решившись, Карапет отбросил сомнения и сейчас только лишь подгонял процесс.

– Необходимые деньги на открытие дела я привез, – сказал Карапет, – так что хоть завтра можем начинать.

Немного замявшись, Фарид сообщил, что свою долю средств он еще не подготовил, но накануне был в банке «Оттоман», где подписал документы на кредит под залог магазина.

Обсудив еще некоторые вопросы, Карапет попрощался с Фаридом и поехал в центр столицы. По пути он зашел в магазин, где продавались фотоаппараты, предназначенные для любительской съемки. Несмотря на дороговизну (стоимость была чуть ниже цены среднего автомобиля), он давно намеревался купить фототехнику, чтобы приобщить детей к искусству фотографии, которое с недавних пор все активнее стало проникать в регионы империи.

На глаза Карапету сразу попался Eastman Kodak с пленкой на 6 кадров. Убедившись, что это именно тот фотоаппарат, который он хотел бы подарить детям, Карапет выложил за него 150 американских долларов. Затем он вернулся в отель.

Наутро Фарид и Карапет проследовали в квартал Пера, где их уже ожидал хозяин помещений. Здание действительно оказалось подходящим для производства: высокие не давящие потолки, большие окна, обеспечивающие достаточный приток воздуха и света, удобные подъездные пути, а также близость к центру города - были как нельзя кстати.

Поздно вечером, завершив переговоры, Карапет и Фарид пришли в ресторан гостиницы Токатлян для встречи с французом.

Зал европейской кухни фешенебельной гостиницы сиял огнями, изобилие горожан и иностранных гостей империи подчеркивали значимость заведения.

Компаньоны попросили официанта проводить их в укромное место, где можно было бы провести деловую встречу. Дальний угол ресторана оказался самым подходящим - музыканты и танцевальная площадка находились на достаточном удалении. Официант в качестве подарка от повара кушчубаши¹⁶, поставил пару бокалов раки, принял заказ, пожелал хорошего вечера и удалился. Восточные мотивы «гайда», напоминавшего по форме шотландскую волынку, исполняемые музыкантом в противоположном конце зала, создавали атмосферу уюта и доброжелательности.

В обозначенное время в зал вошел средних лет человек в опережающей современную моду одежде. Сочетание консервативного серого костюма с отворотами брюк говорили о хорошем вкусе владельца. А бросающиеся в глаза нагрудный платок и уложенные волосы, выдавали в нем явно европейского модника. Увидев Фариду, фронт быстрым шагом направился в его сторону.

– Жан Уорт, – представил Фарид гостя, и пригласил того за стол.

В ходе беседы Жан рассказал о своих впечатлениях относительно Константинополя, его культурной жизни, отметил светские достижения имперского общества, отдельно коснулся производственных возможностей столицы и потребностей общества.

Слушая его, Карапет про себя отметил, что Жан оказался эрудированным, хорошо разбирающимся в своем деле человеком. Организаторский опыт работы Жана, отточенный в мастерских известных дизайнеров одежды Франции Поля Пуаре и Жанна Ланвена, не оставлял сомнений в правильности выбранной кандидатуры.

Предсказатель

С самого раннего детства Ованес рос свободолюбивым энергичным человеком. В спорах со сверстниками умел отстоять свою точку зрения; надо – отстаивал ее в кулачном бою и с более рослыми сверстниками, где порой проигрывал, но не сдавался. Начитанный и уверенный, Ованес был душой компаний; обладая лидерскими качествами, умел повести за собой.

Ему было уже двадцать три года, а он все никак не женился, в то время как многие его городские погодки давно уже воспитывали детишек. Обеспокоенные затянувшейся холостяцкой жизнью сына, родители, Варужан и Сара, решили обратиться к известному предсказателю. Собравшись, в один из будничных дней они пошли к проживающему в пригороде Сиваса ста-

¹⁶ Кушчубаши - повар, готовивший ранее пищу лично султану

рику-предсказателю. Выслушав Варужана и Сару, дед поинтересовался родственниками и знакомыми семьи, после чего вынес вердикт:

– На вашу семью навели порчу. Возвращайтесь домой, найдите тайное заклятье, спрятанное, скорее всего, в одной из имеющихся в вашем доме одиннадцати подушках, и принесите его мне.

Опешившие муж и жена стояли перед стариком как «вкопанные», ведь количество подушек в их доме совпадало с названной предсказателем цифрой.

– Никому о визите ко мне не рассказывайте, – наставлял старик при расставании.

Быстро возвратившись домой, Варужан и Сара собрали домашние подушки и заперлись в комнате – предстояло их распотрошить и найти нечто, о чем им было сказано.

Медленно, распарывая подушку за подушкой, супруги перебирали куриный пух. Уже вспорота десятая подушка, а ничего так и не найдено.

Но вот супруга тихо вскрикнула – в ее руках оказалась высохшая куриная лапка.

– Как она сюда попала? Я ведь сама подушку набивала пухом, – запричитала Сара.

Уставившись на находку, Варужан долго разглядывал ее, затем деловито произнес:

– Вряд ли старик это имел ввиду. А может он и вовсе ошибся? Видимо нет смысла вспарывать последнюю подушку: вся комната и без того в пуху. Зря мы все это затеяли.

Но тут переставшая причитать Сара вспыхнула:

– Нет уж, если десять подушек вспороли, так давай для верности и одиннадцатую проверим!

С этими словами она вспорола последнюю подушку и решительно вывернула ее наизнанку. От неосторожного движения пушинки поднялись в воздух и как снежинки закружились по комнате. Не обращая на них никакого внимания, муж и жена уставились на выпавший из подушки небольшой клочок бумажки, испещренный буквами. Не веря своим глазам, Варужан протянул к ней руку и пощупал:

– Действительно бумага, и на ней что-то написано, – пробормотал глава семейства.

Сара первая пришла в себя; она выхватила листок и стала пристально изучать. Надпись состояла из двух рукописных частей. Первый абзац Сара не смогла разобрать, так как он выделялся набором, казалось, хаотично написанных букв. Но, зато второй абзац был более чем понятен. В нем кто-то перечислял те напасти, которые желал семье – болезни, неудачи в делах и начинаниях.

После того, как Сара завершила чтение, слезы у мужа и жены покатались из глаз.

– Как же так, ведь мы никому не вредили, старались помогать нуждающимся. За что? ... – причитали супруги.

* * * * *

Рано утром Варужан и Сара уже были у предсказателя. Старик долго и внимательно рассматривал находку.

– В первом абзаце идут заклинания черной магии. Их то и придется нам снимать, – посмотрев на своих гостей, загадочно произнес хозяин.

Опешившие от свалившихся на них событий, Варужан и Сара молча стояли перед предсказателем, готовые целиком подчиниться его воле.

Старик прикрыл двери, зашторил окна и подошел к столу с иконкой. Не спеша зажег свечку и стал молиться перед Создателем о снятии проклятия.

Маленькая свечка, прикрепившись к своему временному пристанищу вблизи иконы, торжественно заиграла язычком пламени. При упоминании имени Господа она, как явно видели Варужан и Сара, низко склоняла огонек в сторону иконы, затем вдруг сильно вспыхивала и становилась похожа на трепещущее на ветру полотнище. Картину таинственности подчеркивала и склонившаяся перед иконой седовласая голова старика. На фоне мерцающего огонька он был похож на библейского старца.

Завершив молитву, предсказатель неподвижно застыл у иконы. Закрыв глаза, старец молчал. Затем он резко повернулся и пристально посмотрел на Варужана и Сару. Его усталый взгляд и некое безразличие на лице, напоминали опешившим супругам путника, возвратившегося после длительного путешествия.

– Заберите бумажку с заклятьями и идите с миром. Кто-то, терзаемый завистью, решил вам насолить, – таинственно проговорил старик. – До возвращения домой ни в коем случае ни с кем не разговаривайте. Сожгите листок, соберите золу и бросьте ее в проточные воды реки, она унесет все проклятья.

С непонятными чувствами супруги выходили из дома предсказателя. Но главное, как им представлялось, они нашли корень своих бед, посеянный так и оставшимся неизвестным завистливым злоумышленником.

Варужан и Сара были уже недалеко от дома, когда им повстречался гончар, проживающий на соседней улице.

– Здравствуйте, соседи! – доброжелательно произнес мужчина.

Не услышав ответа, гончар подумал, что соседи не расслышали его. Он еще раз громко поздоровался. Но опять безответно.

Сосед воспринял это как явный признак пренебрежительного отношения к его персоне. Как уважающий себя человек, он не мог оставить это без внимания. Чертыхаясь, он поплелся за Варужаном и Сарой, предпринимая тщетные попытки выведать, почему соседи не хотят с ним здороваться. Всю дорогу те выразительно смотрели на соседа, но по-прежнему молчали. Лишь когда Варужан и Сара вошли в дом и затворили за собой дверь, гончар в нерешительности остановился. Постояв еще немного в растерянности, он собрался уходить. Но тут дверь неожиданно отворилась, и на пороге появился хозяин, который «красноречиво» высказал гончару свою позицию и указал направление, в котором ему лучше следовать.

Сивас. Январь 1904 года

Небольшая группа молодежи Сиваса, подогреваемая идеей оказания посильной помощи армянским отрядам Сасуна и Муша, проводит свое тайное собрание. Инициатором создания группы выступил Ованес, призывавший на берегу Кызылырмака не ожидать благосклонности султана. В группу кроме Ованеса вошли каменщик Петрос, неразлучные друзья Давид и Хачатур, садовник Барсег, учитель местной армянской школы Геворг и еще несколько молодых армян, симпатизирующих идеям Ованеса.

По замыслу Ованеса создаваемая группа на начальном этапе должна была собирать в Сивасском вилайете материальные и финансовые средства для нужд армянского освободительного движения, развернувшегося в Сасуне и Муше. Собравшись, ребята решили раздобыть несколько единиц боевого оружия для возможного использования в целях самообороны.¹⁷ Но вначале предполагалось сформировать хотя бы резерв холодного оружия, а затем уже искать варианты приобретения и огнестрельного. По предложению Хачатура было решено впоследствии создать специальный фонд для покупки боевого арсенала у курдов, которым власть позволяла иметь любое оружие.

Ованес долго не решался назначить человека, у которого можно было бы прятать оружие. После длительных размышлений, он остановился на кандидатуре умевшего держать язык за зубами каменотеса Петроса. Да и его мастерская являлась подходящим для этого местом.

Не менее остро стоял вопрос первоначального финансирования организации. Было решено подготовить список богатых армян, имеющих соответствующие возможности. Этот вопрос Ованес брал на себя, так как по работе знал многих состоятельных армян, даже из других вилайетов.

¹⁷ Христианам империи запрещалось иметь оружие; любые нарушения запрета строго карались

Ованес понимал, что без поддержки со стороны опытных фидаинов им не обойтись, ведь рано или поздно хафии¹⁸ гамидовской спецслужбы могли узнать о группе. Поэтому он намеревался установить контакт с фидаинами Андраника Озаняна¹⁹, которые окажут необходимую поддержку группе. Для встречи с ними Ованес планировал направить Давида. После очередного конспиративного собрания Ованес попросил того остаться для беседы.

– Есть мнение направить тебя в Сасун к фидаинам Озаняна, – не терпящим возражений тоном, сказал Ованес. – Он тоже из Сивасского вилайета, знает все наши проблемы, должен поддержать.

Понимая всю важность вопроса, Давид выразил готовность направиться в Сасун в ближайшее время. Обсудив детали поездки, ребята разошлись.

Карапет после Константинополя

Возвращаясь в Сивас, Карапет подводил итоги поездки, которой был полностью удовлетворен, ведь удалось решить все организационные вопросы открытия бизнеса в столице. Жан Уорт оказался довольно искушенным человеком в бизнесе, улавливающим многие аспекты постоянно меняющейся моды, хорошо разбирался в вопросах технического оснащения швейного производства. Жан и сам проникся идеей открытия производства европейской одежды в Константинополе. По инициативе француза было решено оснастить предприятие швейными машинками компании «Singer Manufacturing Company». Жан сам вызвался выехать на завод в городе Виттенберг в Германии для приобретения швейных машинок.

Сдвинув вопрос открытия производства в столице с мертвой точки, Карапет намеревался форсировать начавшуюся работу. Вопросы текущего контроля за открывающимся производством Карапет возлагал на Фарида, в порядочности которого ничуть не сомневался.

По пути Карапет вновь сделал остановку в Ангоре. На этот раз он наконец-то посетил Улусский квартал, где располагался Римский храм Августа и Рима. На его стенах был выбит древний текст «Деяний божественного Августа», повествующий о жизни первого римского императора Октавиана Августа. Надпись имела непосредственное отношение к итальянской литературе, изучением которой Карапет увлекался в свободное от работы время. Стоя у стен Римского храма, Карапет продекламировал наизусть выдержки из сонета «Любовь всегда восстанавливает нежное сердце» из произведения его любимого средневекового итальянского поэта Гвидо Гвиницелли²⁰:

Лишь явится - сиянье им лучимо,

Его же нет без солнца -

Амор и благородство суть слиянье,

Что столь неразлучимо,

Как жар огня - всегда в его сияньи.

Своим чтением он несказанно удивил и обрадовал находящихся поблизости итальянских и французских экскурсантов.

Забрав отложенный для него ковер, Карапет рано утром отправился в путь.

Йылдыз. Тайная полиция Сиваса

¹⁸ Хафии – агенты, секретные осведомители Османских спецслужб

¹⁹ Один из лидеров армянского освободительного движения, выходец из Сивасского вилайета

²⁰ «Любовь всегда восстанавливает нежное сердце» - «Al cor gentil ripara sempre amore»

В начале XX века в Константинополе среди высшего руководства гамидовской спецслужбы «Йылдыз»²¹ стало модным курить английские сигареты, среди которых наибольшей популярностью пользовались табачные изделия брендов "Three Castles" и "Gold Flake".

Мустафа, начальник тайной полиции вилайета Сивас, структурно входившей в Йылдыз, воспитанный в строгих восточных традициях, придерживался принципов чинопочитания, стараясь во всем, в том числе, и слепым подражанием, угодить начальству. Именно поэтому с недавних пор Мустафа начал курить, а затем и вовсе пристрастился к этому делу.

В середине апреля 1903 года Мустафа получил совершенно секретное указание из Константинополя, подписанное руководителем тайной полиции страны. Предписывалось усилить работу по выявлению и нейтрализации армян, осуществляющих деятельность, направленную на подрыв устоев Османской империи. О результатах работы было приказано руководителям полиции вилайетов докладывать в Главное управление тайной полиции страны ежемесячно.²²

После прочтения документа из Константинополя рука начальника тайной полиции автоматически потянулась за сигаретой. Он понимал серьезность документа, ведь его исполнение ставилось на контроль самого начальника Главного управления тайной полиции страны, а ежемесячная отчетность о проделанной работе подчеркивала всю серьезность и строгость работы. По опыту работы Мустафа знал, что провал заданий, состоящих на контроле у руководства ведомства, чреват, как минимум, увольнением с работы.

Закурив сигарету, Мустафа поднялся со своего стула, уточнил зачем-то время на именных карманных часах, и стал прохаживаться по комнате, теребя четки, доставшиеся ему по наследству от деда. В ответственные моменты Мустафу захлестывало чувство страха за свою должность, которую он долго добивался, пройдя через череду обид и унижений. Во рту у него пересохло, лицо побледнело. Подойдя к окну, он остановился и стал бесцельно смотреть на прохожих.

Вот идет торговец фруктами - широкие шаровары, открытая на груди рубашка, повязанный на поясице кушак, выдавали в нем турка. Навстречу ему двигался сорванец с кувшином в руках. Его звонкий голос, предлагавший встречным купить стакан холодной воды, возвратил начальника полиции вилайета к реальности, он закрыл окно и вновь заходил по комнате. Мустафа понимал, что в отличие от столицы, провинциальная тайная полиция располагала ограниченными оперативными и финансовыми возможностями. По повелению маниакально опасавшегося в последние годы заговоров Абдул-Гамида II на содержание тайной полиции выделялись огромные средства. Но большая часть этих средств оседала в столице, так как большинство агентов, работавших на платной основе, и, соответственно, с сильной для востока финансовой мотивацией, находились в столице. Региональные же структуры тайной полиции работали в основном с агентами, функционировавшими на безвозмездной основе, что существенно затрудняло работу оперативников на местах. Пытаясь успокоиться, Мустафа остановился, смял сигарету и замер, вслушиваясь в тишину.

– Надо взять себя в руки; я справлюсь, – рассуждал полицейский, подойдя к зеркалу и рассматривая свое лицо. – Поручу исполнение этого документа своему заместителю, Али, а функции контроля оставляю за собой. Если что-то пойдет не так, и у начальства возникнут претензии, можно будет всю вину возложить на Али.

Довольный своей задумкой, Мустафа вызвал к себе своего заместителя, имеющего допуск к работе с документами высокой степени секретности.

²¹ Смотри Приложение 1

²² «Статистические таблицы вилайетов Османской империи ближайших к Закавказью». Тифлис, 1889 год, РГБ, Москва, И231/204 Османы несколько раз вносили изменения в административно-территориальное деление Западной Армении, чтобы армяне не могли составлять большинство в одном вилайете. Западная Армения была разделена на Эрзерумский, Ванский, Битлисский, Диарбекирский, Харбердский, Трабзонский и Сивасский вилайеты. В свою очередь, каждый вилайет делился на санджаки (районы), санджак – на казы (подрайон), а те – на группы сел

Из-за грозного вида Али побаивались не только обычные горожане, но и коллеги, познавшие его жестокий характер. В пылу гнева Али мог забить подозреваемого до смерти. Особо он отличился в 1894-1896 гг., когда при участии тайной полиции проводились антиармянские рейды по всей стране. В тот год в здании полиции Али собственноручно убил большое количество армян, подозревавшихся в противоиimperской деятельности. Коллеги, присутствовавшие при допросах армян, еще долго вспоминали с каким удовольствием и жестокостью Али расправлялся с безоружными людьми.

В комнату зашел крепкого телосложения высокий офицер и остановился перед своим руководителем. Мустафа порой и сам опасался подчиненного, имевшего уж очень грозный вид. Вот и сейчас перед ним стоял огромный исполин с черными густыми бровями, свисающими над небольшими налитыми кровью глазами, а отдельные залысины в усах и бороде выдавали его мрачную черноту.

– Али-ага, – обратился Мустафа к подчиненному, протягивая полученный документ, – ознакомься с содержанием, потом посоветуемся.

Пока Али читал документ, Мустафа подошел к окну, прикурил сигарету и вновь стал наблюдать за происходящим на площади. Вот бойко чем-то торгует женщина, громко подзывая покупателей. Недалеко от нее прогуливается мужчина, явно ее муж, готовый поднести новую партию товара, забрать деньги, а в случае чего вмешаться в возможный конфликт, часто сопровождающий чересчур бойких женщин на базаре. Далее тот же юный мальчуган в пестрой рваной одежде торгует холодной водой. Поодаль два жандарма разнимают поссорившихся продавцов.

Голос Али, ознакомившегося с документом, заставил начальника оторваться от созерцания будничной картины базара.

– Серьезный документ, – произнес заместитель, растягивая слова. – Видимо, гяуры империи опять распоясались. Придется вновь ставить их на место. Я же говорил, что надо было еще жестче с ними обходиться.

Слушая своего заместителя, Мустафа убеждался, что эмоциональный Али, глубоко ненавидящий армян, приложит максимум усилий для подавления любых поползновений со стороны этих гяуров. «В принципе, это хорошо, – размышлял руководитель, – но, как бы он не наломал дров».

– Али-ага, собери всю информацию по армянской линии работы, выясни сколько у нас информаторов в армянской среде, подготовь план работы в рамках задания, – сухо отдал распоряжение Мустафа заместителю. – Позже обсудим.

Переговорив с начальником по текущим вопросам службы, Али вышел из кабинета.

Карьерист по своей сути, Али выслуживался перед руководством. Садист по натуре, он испытывал ненависть ко всему живому. Но особенно он ненавидел гяуров и готов был уничтожать их безостановочно. Инстинкт подсказывал, что на этот раз ему выпадает шанс проявить себя как следует. Уже несколько лет он вынашивал сокровенное желание, о котором никому не рассказывал - Али мечтал занять должность начальника тайной полиции вилайета, но для этого он должен был бы «подвинуть» Мустафу. Как он это сделает, Али пока еще не представлял, но при удобном случае он свой шанс упускать не собирался.

Преисполненный мыслей, направленных на выполнение задания руководителя Главного управления, Али приказал подчиненным ему полицейским подготовить необходимые материалы по работе на канале противодействия армянским радикалам.

Карапет и Ованес. Февраль 1904 года

По возвращении из Константинополя Карапет полностью погрузился в работу. Количество заказов на изготавливаемую продукцию увеличилось; приходилось работать с удвоенной силой. Производственных мощностей в Сивасе уже не хватало, и Карапет планировал их уве-

личить за счет приобретения партии швейных машин «Singer Manufacturing Company», о чем еще в Константинополе договорился с Жаном.

Расширение производства требовало также пересмотра объема поставок необходимых видов сырья. Для этого Карапет решил встретиться с поставщиками продукции. В один из дней у него состоялась встреча с армянскими купцами, среди которых присутствовал и Ованес. После обсуждения вопросов о сверхнормативных поставках сырья и сбыта готовой продукции, Ованес подошел к Карапету и попросил о встрече, необходимой для обсуждения вопроса, не связанного с работой. Карапету импонировал этот корректный молодой человек, умеющий держать слово. Понимая, что Ованес просто так просить о встрече не будет, Карапет ответил согласием. Встреча была назначена на послезавтра в обеденное время в небольшой кофейне на площади у мечети Улун.

В назначенный день Карапет пришел на встречу чуть раньше оговоренного срока. Тихое, уютное помещение с большими окнами, выходящими на площадь, казалось, было создано для деловых встреч. Расположившись за столиком у окна, Карапет позвал юного официанта и заказал кофе. Ровно в означенное время пришел Ованес.

После непродолжительной беседы на бытовые темы Ованес перешел к обсуждению внутривополитических вопросов, связанных с положением армян в Османской империи. С его слов, пару недель назад в Сасуне вооруженная толпа мусульман при поддержке регулярных войск ворвалась в село Улун и учинила расправу над армянами, требуя покинуть земли.

– В последние годы власти все активнее стали использовать курдов против армян, – пояснял Ованес. – Под покровительством правительства, курды, живущие за счет тотального грабежа, заселяются на территориях, граничащих с армянскими селениями. Не выдерживая такого соседства, безоружные и пораженные в правах армяне рано или поздно съезжают со своих земель, а кочевые курды, стимулируемые османскими властями, продвигаются вглубь армянских территорий. Земли освобождаемые от армян, а впоследствии и от самих кочующих курдов, заселяются турками, которым власти выдают льготные кредиты для закрепления на этих территориях.

Со слов Ованеса, эта тактика в настоящее время применяется османами против жителей и других армянских селений.

– Вина наших сасунских братьев лишь в том, – возмущался Ованес, – что они хотят жить на землях своих предков.

Поразмыслив немного, он добавил:

– Армянские предприниматели вилайета собирают средства для оказания необходимой помощи нашим братьям. Ты тоже можешь присоединиться.

Разве мог Карапет оставаться в стороне от проблем своего народа?

– Я готов ежемесячно передавать средства для всяческой поддержки наших братьев, – проговорил Карапет, смотря в глаза Ованесу.

Обговорив еще ряд вопросов, собеседники разошлись.

* * * * *

Карапет в раздумьях шел домой; сегодня исполнилось сорок дней как родился племянник, и семья Карапета намеревалась пойти домой к брату, где им предстояло впервые увидеть маленького Манука.

Дома Карапета уже с нетерпением ожидали домочадцы, одетые в парадные наряды. Сын Акоп торжественно держал в руках фотоаппарат Eastman Kodak Co, ведь ему предстояло сделать шесть незабываемых кадров в доме дяди.

Быстро приведя себя в порядок, Карапет взял заранее приготовленный подарок – ковер из верблюжьей шерсти, и вся семья выдвинулась в гости к Мовсесу.

Зам. начальника тайной полиции Сиваса

С того момента, как заместитель начальника тайной полиции вилайета Али в феврале 1904 года ознакомился в кабинете своего руководителя с секретным указанием Константинополя, предписывающим усилить агентурно-оперативную работу по армянам, его не отпускала мысль, что наконец-то он сможет проявить себя перед руководством тайной полиции империи и его могут повысить в должности. Возможно, и сбудется его мечта стать начальником тайной полиции Сивасского вилайета, тем более, что нынешний начальник, Мустафа, был старым человеком и ему пора было уйти в отставку. Чтобы осуществить свою мечту, Али готов был вырезать хоть все армянское население вилайета.

В 1894-96гг по империи прокатилась волна армянских погромов. Али, будучи младшим офицером тайной полиции, накануне погромов выезжал в командировку в Трабзон, где участвовал в специальной операции. Конфиденциально были подготовлены и разбросаны от имени армян провокационные антиправительственные листовки, что для властей явилось основанием начать репрессии против армян. Действуя по заранее отработанной схеме, Али с сослуживцами арестовал и уничтожил много армян Трабзона.²³

Вернувшись в Сивас, Али продолжил репрессии. Именно тогда молодой офицер-Mülâzım проявил себя в глазах сивасского и константинопольского руководства. Несмотря на свой грозный вид и внешнюю неуклюжесть, Али оказался сильным оперативным работником, сумевшим создать посредством подкупа, шантажа и угроз, разветвленную сеть хафий в армянской и околоармянской среде, бесперебойно обеспечивавшей полицию столь необходимой информацией. Среди его хафий были люди различных социальных слоев, возрастов и профессий, что позволяло полицейскому иметь полную информацию об интересующих процессах. Представляемые агентами данные тщательно перепроверялись опытным Али, хорошо ориентировавшимся в оперативной обстановке на вверенном ему участке. Если агент пытался обмануть полицейского, предоставляя ему искаженную информацию, Али мог убить его прямо во время конфиденциальной встречи. Зная о нраве полицейского, никто не смел искушать судьбу.

Еще одна значимая для карьеры Али командировка состоялась в 1903 году в Трабзон. В тот год недалеко от Трабзона был ограблен почтовый экипаж, в котором кроме денег перевезились секретные письма и распоряжения, следовавшие из столицы в вилайеты. Среди почтовых отправок оказались приказы султана Абдул Гамида II губернатору Вана Бахри-паше о необходимости организации армянских погромов. Эти документы попали в руки армянских активистов, которые передали их в английское консульство в надежде на соответствующую реакцию европейских стран.²⁴

* * * * *

В последние годы в рамках реализуемого плана имперских властей по заселению христианских регионов мусульманами, в Сивас было переселено много курдов, боснийских мусульман, а также представителей Северного Кавказа. Но, несмотря на большой приток мусульман, количество христиан вилайета по-прежнему оставалось внушительным.

После событий 1896 года Али повысили в должности до заместителя начальника тайной полиции вилайета, и он получил допуск к списку большинства информаторов, состоявших на связи у всех оперативных сотрудников тайной полиции региона. За хорошо осведомленным о положении дел в армянской среде Али закрепили всю работу по этому направлению. К нему стала стекаться вся информация, собираемая по армянам региона.

²³ Акоп Атикян, «Западная Армения как мишень секретных служб Османской империи (1878-1923г.г.)», 2016, с.194 - Провокационный случай с листовками антиправительственного содержания, подготовленный и распространенный спецслужбами Османской империи в 1894г. от имени армян, упоминается в записке британского консула в Трабзоне, адресованной своему послу 31.03.1914 г.

²⁴ Б.Торлакян «Воспоминания о Йомуре», «Амшен-Понтос», Сочи-Туапсе, 2015, с.27Спецслужбы Англии, как оказалось, активно сотрудничали с османскими властями; обманув армян, они передали письмо османам, хотя по Решению Берлинского Конгресса должны были поступить иначе

Внутреннее чутье Али подсказывало, что предписание об усилении работы по армянам является предтечей каких-то больших событий, предстоящих в империи. Размышляя об этом, Али приступил к подготовке аналитического документа, который в последующем должен был лечь в основу необходимого плана работы. В первую очередь он еще раз пересмотрел список хафий, задействованных в оперативной работе по армянской линии. Перечень получился внушительным - в него входили не только армяне, но и турки, курды, черкесы, имевшие возможность получать оперативную информацию об армянах. Несмотря на большой список агентов, Али остался недоволен его качеством. Многие хафии утратили возможность добывать информацию, способную заинтересовать тайную полицию. Но самое главное, в агентурном аппарате тайной полиции вилайета, по мнению Али, катастрофически не хватало агентов влияния, способных каким-либо образом оказывать необходимое воздействие на саму оперативную среду. Проанализировав обстановку по линии работы, Али подготовил соответствующий документ, который доложил своему руководителю и предложил собрать оперативных сотрудников на совещание.

Мустафа внимательно и неторопливо изучил аналитический документ заместителя. Справка начиналась с описания оперативной обстановки:

«Вилайет Сивас, с одноименным административным центром в г. Сивас, один из густонаселенных регионов страны в Малой Азии. Вилайет включает девять казы – Сивас, Тенусь, Хафинь, Даренде, Азизи, Кочгери, Ильдыз, которые в свою очередь делятся на тридцать девять сельских поселений-нахий.²⁵ Количество населения приближается к миллиону человек, из которых порядка 350 тысяч составляют армяне. Многие из них сосредоточены в городах и занимаются ремеслами. Армянское сельское население проживает в 240 деревнях. В самом Сивасе 5800 армянских домов, в которых по данным на 1904 год проживает 36800 человек. Духовная и образовательная жизнь армян сосредоточена в 198 церквях, 21 монастыре и 204 школах».²⁶

В документе, представленном Али, подробно перечислялась агентура, работающая против армян, с указанием псевдонимов и направлений их использования. Подробный анализ показывал, что из общего числа четырехсот агентов, находившихся на связи у оперативного состава тайной полиции вилайета, только пятьдесят располагали реальными возможностями работы по армянской линии. Из них лишь двадцать были армянами, да и те не все были способны в полном объеме раскрыть динамично меняющуюся оперативную обстановку на линии работы. Новые предприятия, новые коллективы, приток новых людей в регион - все это требовало совершенствования работы, в том числе, и за счет приобретения дополнительных источников конфиденциальной информации. Объектами оперативного проникновения по-прежнему оставались партии «Дашнакцутюн» и «Гнчак», армянская церковь, школы и молодежные организации.

Прежде, чем собирать совещание оперативного состава, Мустафа решил обсудить вопрос с заместителем.

– Али-ага, – начал беседу Мустафа, – давай сначала определимся с положениями, которые мы вынесем на обсуждение наших офицеров. Согласно твоему документу видно, что имеющейся в нашем распоряжении агентуры не достаточно для полноценной работы по армянской линии. К примеру, в Сивасе и других городах вилайета появились новые предприятия армянских бизнесменов, в которых у нас совершенно нет оперативных позиций. Оказывается, позиции слабы и среди молодежи, да и в армянской религиозной среде не мешало бы приобрести еще пару-тройку источников.

²⁵ «Статистические таблицы вилайетов турецкой империи ближайших к Закавказью». Тифлис, 1889 год, РГБ Москва И231/204

²⁶ Карапет Габикян «История уничтожения Малой Армении и ее великой столицы Себастии», Бостон США, «Айреники Тпаран», 1924г., с.37.

Слушая своего начальника, Али все больше убеждался в его вялости, ибо сам он был ярким сторонником радикальных мер и готов был проводить жесткие мероприятия. Во время них он бы специально провоцировал христиан на какие-либо нарушения закона с целью последующего наказания. Али полагал, что только такими мерами возможно безукоризненное решение всех поставленных задач. Тем более, что сама политическая обстановка благоприятствовала этому.

Несмотря на критическое отношение к некоторым подходам руководителя, Али все же отчетливо понимал, что многоопытный Мустафа отлично ориентируется в оперативной работе, грамотно выстраивает ее как по объектовому, так и по линейному принципу, и может прекрасно лавировать, угождая требованиям высокопоставленного руководства.

– Необходимо определить объекты потенциальных устремлений армянских экстремистов, – бросил Мустафа своему заместителю. – И постарайся к завтрашнему дню успеть, чтобы мы могли провести полноценное совещание.

Бизнесмен Ованес

Последняя декада марта 1904 года для Ованеса оказалась загруженной - увеличились объемы заказов. Вместе с тем возросли риски, так как на дорогах все чаще стали появляться банды кочующих курдов, активно переселяющихся в вилайет. Но Ованесу и его компаньонам по бизнесу не привыкать – они справлялись со своими заботами, несмотря на складывающиеся обстоятельства. Вопрос безопасности перевозимых грузов был решен за счет усиления охраны нанятыми для этого жандармами, а безопасность платежей все больше обеспечивалась банковской системой страны, которая с приходом европейских финансовых учреждений стала активно развиваться.

Ованес был доволен прошедшим месяцем, так как ему удалось собрать в Сивасе достаточно внушительную сумму средств, предназначавшихся фидаинам. Для передачи денег по назначению в составе каравана, следовавшего по маршруту Сивас-Муш-Диярбакир, в качестве охранника выехал Давид. В Муше, где караван простоял на отдыхе сутки, Давид проследовал к сасунцам по указанному ему конспиративному адресу.

По возвращении домой, докладывая Ованесу о выполненном задании, Давид отметил, что хотел встретиться с самим Андраником Озаяном, однако, ему этого не удалось, потому что тот был в отъезде. Вместе с тем, у него состоялась кратковременная встреча с одним из ближайших его соратников – ориентировочно тридцатилетним человеком по имени Смбат, который активно интересовался созданной в Сивасе группой, хвалил за инициативу и настойчиво просил передать, чтобы не проявляли чрезмерную активность, соблюдали необходимые меры безопасности и зазря не рисковали жизнью. Расставаясь с Давидом, Смбат подчеркнул, что фидаины, возможно, присмотрятся к группе и при необходимости выйдут на связь.

Финансовая помощь, со слов молодого фидaina по имени Погос, провожавшего Давида, оказалась кстати, так как предстояла закупка экипировки и лошадей для армянских гайдуков. Погос также сообщил Давиду, что ему посчастливилось беседовать с самим Смбатом Борояном – выходцем из Муша, одно имя которого наводило ужас на разбойников, орудовавших в округе.²⁷

Ованес был доволен проведенной операцией по сбору средств и передаче их по назначению. Но его огорчало то, что фидаины не заинтересовались боевым потенциалом группы. Более того, им было предложено не проявлять активности и не рисковать жизнью. Все нутро Ованеса сопротивлялось этому, ведь он, как и многие единомышленники, готовы были не задумываясь, умереть ради освобождения Родины.

²⁷ Хачик Даштенц, «Зов пахарей», изд. «Советакан грох», Ереван, 1986 г. В романе подробно рассказано об армянском герое Смбате Борояне (известен также, как «Махлуто»). Ныне его прах покоится во дворе церкви Сурб Гаянэ в Армении.

– Возможно, нам пока не доверяют, поэтому не хотят идти на плотный контакт, – размышлял Ованес. – Ну, ничего, со временем мы постараемся доказать свою дееспособность.

Для начала Ованес планировал раздобыть оружие и боеприпасы к нему, в связи с чем стал предпринимать кое-какие действия. Так, он уже достаточно длительное время присматривался к мусульманину-боснийцу Айдару, работавшему на воинских складах. Недавно переехавший в Сивас, Айдар нуждался в средствах и, по мнению Ованеса, с ним можно было бы договориться о приобретении какого-либо оружия. Чтобы сблизиться с Айдаром, Ованес периодически устраивал застолья, на которые приглашал и боснийца. В этот раз Ованес принял решение активизировать работу с Айдаром сразу же после командировки.

* * * * *

Вернувшийся после поездки, караван проследовал на склад для разгрузки товара. Передав имущество на хранение, Ованес и коллеги разошлись.

По дороге домой во дворе соседского дома Ованес увидел проживающего там настоятеля армянской церкви Сурб Аствацацин Тер Месропа. Одетый по-домашнему, священник был занят хлопотами по хозяйству. Встреча с добродушным Тер Месропом, воспринималась Ованесом как хороший знак.

– Благословите, батюшка! - как и полагается, обратился он к священнику.

Завидев Ованеса, тот широко заулыбался:

– Барев, сынок, давно тебя не видел. – совсем просто и добродушно произнес Тер Месроп.

Священник по-отечески относился к Ованесу, ведь он вырос на его глазах. Тер Месропу нравилось общаться с молодым соседом, ведь много путешествующий Ованес уже немало повидал и стал, ко всему прочему, интересным собеседником.

Понимая, что Ованес торопится, священник не стал его задерживать:

– Сынок, иди домой. Вижу, что торопишься, да и твои близкие заждались. Завтра-послезавтра заходи в гости.

Попрощавшись с Тер Месропом, Ованес пошел домой, где его уже ожидали домочадцы. Тепло поздоровавшись с бабушкой и дедушкой, он обнял родителей Варужана и Сару, братьев и сестер и пошел умываться. Мать постаралась украсить праздничный стол разнообразными блюдами: пасус-толма, приготовленная по особому семейному рецепту с добавлением различных трав, хлеб матнакаш, испеченный утром в тондыре, варенье из лепестков роз. Дед поставил на стол припасенную тутовую водку, крепость которой не раз валила с ног неосторожных гостей.

Большая дружная семья разместилась вокруг стола, стоя прочитали Отче наш, после чего все замерли в ожидании. Никто не смел начинать трапезу раньше старшего. Отец налил тутовку в стаканы, и дед произнес:

– С возвращением, дорогой внук. Каждый раз, когда ты приезжаешь домой, у нас в семье праздник. Да не упадет с твоей головы ни один волос!

Выпив, дед сел; лишь после того, как старший приступил к трапезе, домочадцы тоже начали есть.

После душевного застолья отец отозвал Ованеса в комнату, где их уже ожидала мать.

– Сынок, все эти годы, пока ты обучался купеческому ремеслу, мы тебя не особо беспокоили, – начал отец. – Но пришло твое время жениться. Ты месяц назад намекал, что тебе нравится Ануш, сестра Овсепа Коркотяна. Нам с мамой нравится их семья, да и сама Ануш скромная и трудолюбивая девушка. Она вся в свою мать – такая же добрая и общительная. Пора бы сосватать ее для тебя. Что ты думаешь об этом?

Ованес давно знал семью Ануш, ведь он дружил с ее братом. Часто навещая друга, Ованес пересекался взглядами с Ануш, которая при этом краснела и быстро уходила. Да и самого Ованеса в последнее время наполняло какое-то непонятное чувство.

– Я не возражаю, отец, – зардевшись, выдавил из себя Ованес.

– Жаль, что отец и мать Ануш не дожили до сегодняшнего дня, – с грустью произнес Варужан.

Родители Ануш были убиты в 1895 году бесчинствовавшими гамидие, поэтому родительские функции целиком легли на ее старшего брата Овсепя.

Стоявшая в уголке мать с облегчением вздохнула, ведь это было ее самым сокровенным желанием.

– Не соврал старик... - мысленно благодарила Сара предсказателя, снявшего проклятие с семьи.

Мастер Мовсес

Мовсес с раннего детства имел тягу к искусству – он много рисовал, вырезал по дереву и слоновьей кости. Но больше всего он испытывал тягу к изящному ювелирному искусству. Когда-то в юности он познакомился с работами ювелиров Сиваса и понял, что хотел бы связать всю свою жизнь с этим искусством. По просьбе отца Мовсес был пристроен учеником в одну из мастерских города. Когда же он достиг определенных успехов в своем деле, отец направил его в Константинополь к знакомому армянину, работавшему ювелиром в объединении ремесленников «Эхли Хиреф» при дворце султана, который помог Мовсесу постичь тонкости мастерства, после чего он вернулся в Сивас уже умелым ювелиром.

Весть о хорошем ювелире-«зергеран» быстро разнеслась по вилайету, где, как и во всей Османской империи, было немало любителей ювелирных изяществ. Дела Мовсеса шли хорошо, от заказчиков не было отбоя. В основном поступали заказы на изготовление украшений для локонов - «зюлюфлюк», ожерелий - «герданлык», различных колец, печаток, цепочек.

На сегодня Мовсес отложил все дела, ведь ему поступил очень серьезный заказ: он должен изготовить ручные и ножные браслеты для второй жены вали²⁸ Сивасского вилайета. Заказывать браслеты для жены высокопоставленного чиновника пришли две хорошо одетые женщины в сопровождении мужчины. Осмотрев представленные Мовсесом эскизы, женщины стали переговариваться между собой, выбирая узоры и драгоценные камни, соответствующие статусу хозяйки. Жене чиновника высшего ранга при подборе украшений принято было ориентироваться на моду, диктуемую самим османским двором.

– Во дворце султана в моде сейчас сочетание рубинов, яшмы, изумруда, жемчуга, сапфиров и алмазов, – произнесла одна из женщин.

– Если правильно подобрать цветовую палитру, нашей хозяйке понравятся украшения, – поддержала вторая.

Мовсес хорошо знал вкусы константинопольских клиентов «Эхли Хиреф», поэтому мог сразу предложить варианты сочетаний драгоценных камней и узоров, которые бы понравились столичным модникам. Однако он понимал, что европейские веяния простоты и изящества, захлестнувшие в последние годы Константинополь, до провинции пока еще не дошли. В Сивасе, в отличие от столицы, все еще отдавалось предпочтение обилию драгоценных камней, выложенных в форме замысловатых растительных узоров, полумесяцев и звезд, на золотом изделии.

Мовсес оказался прав - провинциалки после долгого обсуждения остановились на вычурном традиционном стиле оформления браслетов, что предусматривало использование таких ювелирных техник, как инкрустация, чернение и филигрань. Выбрав стиль изделий, женщины все же не спешили с окончательным оформлением заказа. Они дважды уходили советоваться с вали по цене товара, и каждый раз возвращались с предложениями о снижении стоимости. Наконец, договорившись с мастером по цене и срокам изготовления украшений, женщины оставили предоплату и ушли.

²⁸ Вали – губернатор вилайета Османской империи

Проводив клиентов, Мовсес пересчитал деньги, убрал их в металлический шкаф и усталый вышел на улицу, планируя развеяться, а заодно и встретиться с Карапетом.

Дойдя до производственных помещений брата, Мовсес остановился и удивленно стал рассматривать обстановку. Аккуратный Карапет всегда требовал от подчиненных порядка и не терпел, когда что-то лежало не на своем месте. На этот раз двор предприятия был завален тюками, а на крытой веранде в совершенно стесненных условиях работали несколько человек.

– Здравствуй, Мовсес, – послышался голос Карапета со стороны запасного выхода. – Не ожидал увидеть тебя сегодня, тем более, на производстве. Что-то случилось?

– Нет, все нормально. Просто решил развеяться и зайти к тебе, – ответил Мовсес, широко улыбаясь. – А почему такой беспорядок?

Карапет поделился с братом планами расширения производства в связи с увеличением объема заказов, поступающих от торговых кампаний как Сиваса, так и других регионов страны.

Совещание у Мустафы

В один из дней марта 1904 года Мустафа собрал на совещание сотрудников тайной полиции, занимающихся агентурно-оперативной деятельностью, каковых во всем регионе было более тридцати человек. Кратко ознакомил с содержанием поступившего из Константинополя секретного задания, и перешел к обсуждению оперативной обстановки в вилайете и освещению вопросов по армянской линии работы. Со слов начальника, оперативный состав справляется с поставленными задачами – на линии работы нет каких-либо серьезных эксцессов, армянское движение фидаинов вилайета находится на относительно слабом уровне, да и в целом за последние годы не отмечалось каких-либо значительных антиправительственных выступлений со стороны армян.

– Вместе с тем в соседних регионах имеются факты дестабилизации внутривластной обстановки проживающими там армянами, – продолжал Мустафа, – это означает, что при плохой работе и у нас могут появиться нежелательные лица, среди которых наиболее опасны армянские фидаины.

Описав оперативную обстановку на линии работы, Мустафа передал слово заместителю.

Али строго посмотрел на подчиненных и начал выступление:

– За последние годы оперативная обстановка в вилайете сильно изменилась. На фоне переселившихся в Сивасский вилайет большого количества мусульман, среди которых много курдов, боснийцев, карапахов и выходцев из Северного Кавказа, процентное соотношение армян к общему числу жителей вилайета существенно снизилось. При этом надо учесть и то, что часть армян приняла ислам. Вместе с тем, – продолжал Али, – армяне продолжают оставаться одними из самых экономически активных элементов региона, в чьих руках сконцентрированы большие материальные и финансовые средства. Располагая такими ресурсами, армяне по-прежнему могут оказывать серьезное влияние на социально-политическую обстановку. Так, из 166 крупных торговцев региона 141 являются армянами, из 155 экспортеров – 125 армяне, из 9800 ремесленников и розничных торговцев – 6800 армяне, из 153 промышленных предприятий 130 принадлежат армянам.

Коснувшись результатов деятельности тайной полиции по линии работы за предыдущий год, Али отметил, что ей удалось взять под контроль деятельность армянских партий Дашнакцутюн и Гнчак на территории вилайета, и не допускать каких-либо серьезных противоправных действий с их стороны. Вместе с тем, отмечал Али, не снята угроза проникновения нежелательных элементов из других регионов.

– В этой связи, – продолжал Али, – сама обстановка требует укрепить позиции на этом направлении. Полагаю необходимым усилить оперативную работу по защите режимных объектов, в первую очередь это касается административных органов и военных частей. Еще раз убедитесь, чтобы на каждом таком объекте были наши осведомители. Если где-то нет наших хафий, надо осуществить дополнительные вербовки.

Во время выступления заместителя в кабинете начальника полиции стояла «мертвая» тишина. Многие сотрудники испытывали страх лишь при упоминании имени грозного зама, способного подавить волю подчиненного не только психологически, но, если надо, и физически.

Тем временем Али продолжал:

– Дополнительное внимание следует уделить укреплению линейного принципа оперативной работы. Имею в виду, в первую очередь, работу по партиям «Дашнакцутюн» и «Гнчак»; пристальное внимание должно быть уделено армянской молодежной, религиозной и культурной среде. На всех перечисленных направлениях должны быть приобретены новые источники оперативной информации и, в первую очередь, из числа самих армян. Подчеркиваю, позиции армян должны быть ослаблены на всех направлениях. У нас должны быть возможности для дискредитации армянских лидеров в глазах самих же армян; при необходимости мы должны уметь оперативно дезинформировать их верхушку для склонения ее в сторону принятия ошибочных и выгодных нам решений. Как ответственный за исполнение указания руководителя Главного управления, через два дня жду каждого оперативного работника с планом работы по армянской линии.

Слушая своего заместителя, Мустафа убеждался, что правильно сделал, поручив исполнение задания своему заместителю. Ему нравился подход Али, умевшего концентрироваться на основных направлениях оперативной деятельности, что позволяло максимально эффективно достигать намеченных задач. С одной стороны это радовало Мустафу, а с другой настаивало, ведь он растил потенциального конкурента, готового пойти на самые грязные и жестокие шаги ради получения должности.

Тем временем Али завершил свой доклад, обвел взглядом подчиненных, отчего у многих холодок пробежал по спине, и сел на свое место рядом с начальником полиции.

– У кого есть ко мне вопросы, могут остаться, остальные свободны, – скомандовал Мустафа.

Сватовство Ованеса

В качестве свахи-посредницы, которая проведет предварительные переговоры с родственниками Ануш, была выбрана дальняя родственница Ованеса – Ерануи, имевшая большой опыт в таких делах. Одним из летних вечеров Ерануи пошла в дом Коркотянов с ответственным заданием. Раньше, когда родители Ануш были живы, Ерануи часто посещала этот добротный построенный дом.

Чтобы переговоры прошли успешно, отец жениха по давней традиции прикрепил половник к деревянному столбу в своем дворе.

Вернувшись через некоторое время Ерануи сообщила, что сторона Ануш не возражает против сватовства. Как и договаривались ранее, Ерануи согласовала дату сватовства.

В назначенный день Ованес и его родня направились в дом к Ануш. Делегацию на пороге дома встречал Овсеп с женой Марго, пятилетним сыном Андраником и трехлетним Мартиросом. Гостей проводили в дом и пригласили к столу. После небольшой паузы Варужан произнес:

– Овсеп, ты старший в доме, к тебе и обращаюсь, ведь ты знаешь, что мы пришли «просить ваш камень для закладки в наш фундамент».

– Наши «камни» сами умеют разговаривать, – поддержал Овсеп иносказательные речи Варужана. – Позовем Ануш, пусть сама и отвечает.

В комнату вошла сильно смущенная Ануш, остановилась у края стола и молча посмотрела на брата.

– Сестра, гости пришли с предложением сосватать тебя, согласна ли ты? – забыв про иносказательные традиции, прямо спросил Овсеп.

Густо покраснев, Ануш в знак согласия лишь слегка кивнула, опустила голову и прикрыла часть лица платком.

– Если Ануш не возражает, то и я ничего против этого не имею, – добавил Овсеп.

Варужан молча поднялся со стола, протянул сыну кольцо и слегка подтолкнул его. Подойдя к Ануш, все еще не поднимавшей глаз, Ованес надел кольцо на безымянный палец ее левой руки.

После того, как процедура хоск кап («скрепить слово») завершилась, перед гостями накрыли стол с напитками и угощениями.

Работа тайной полиции

Проведенное в марте 1904 года совещание дало импульс активизации оперативной работы по армянской линии. Руководители полиции Сиваса поставили задачу ежедневно докладывать о проделанной работе, поэтому уже к вечеру следующего дня стали поступать необходимые материалы.

Постепенно вырисовывалась картина, отражающая реальное состояние дел. Городские армяне занимались бизнесом, ремеслами, строительством. Каких-либо значимых фактов незаконной деятельности с их стороны не отмечалось. Практически такая же картина была и в сельской местности.

Настаивая на укреплении работы по данному направлению, Али рекомендовал оперативным сотрудникам обратить внимание на лиц армян, находящихся в тюрьмах. Вербовка подневольных граждан в тюрьмах традиционно являлась приоритетной у сотрудников османских спецслужб.

Оперативная работа в городских условиях имела свои особенности, поэтому Али решил сконцентрироваться на армянах Сиваса, активность и образовательный уровень которых по сравнению с жителями других городов вилайета был значительно выше. В этих целях были выделены армянские школы, религиозные учреждения города, а также ряд общественных и коммерческих организаций, где отмечалась наибольшая концентрация армян. Али потребовал от подчиненных представить списки агентуры в выделенных организациях, а также доложить свои соображения по вербовке дополнительных источников информации. Кроме того, были выделены стратегические объекты, к которым могли проявить интерес армянские радикалы. Там также было решено укрепить позиции приобретением дополнительных источников информации. Особые меры были предприняты и для обеспечения работы по преступлениям с окрасками, предусмотренными статьей 106 Уголовного кодекса империи - «Незаконное хранение и использование оружия». Армянам империи, как и другим христианам, на законодательном уровне было запрещено иметь оружие.

Образовательная и религиозная среда, ввиду малой текучести кадров, оказалась достаточно обеспеченной агентурой. Вместе с тем, константинопольское руководство настаивало на обновлении и укреплении агентурных позиций и на этих направлениях, учитывая их идеологическую важность. При подборе кандидатов на вербовку из числа сотрудников армянских школ Али ориентировал оперработников на директоров школ и их заместителей, а также активных учителей из числа наиболее лояльных по отношению к имперскому режиму. Работая во многом вопросам совместно с администрацией вилайета, тайная полиция имела возможность влиять на кадровые назначения. Поэтому при осуществлении вербовок полицейские, кроме прочего, могли обещать содействие в карьерном росте в случае активной работы в качестве секретного информатора.

Предпочтительными при выборе кандидата на вербовку для работы в религиозной среде, согласно ориентировкам из центрального аппарата полиции, являлся административный персонал церквей, который в силу своего служебного положения, общаясь, как с прихожанами, так и с духовенством, располагал обширной информацией. Вербовка священнослужителей приветствовалась, так как источники из числа духовенства могли быть использованы в качестве агентов влияния.

Наиболее динамичной являлась обстановка в коммерческой среде, отличавшейся текучестью кадров. В связи с этим вербовочный процесс на этих направлениях требовал постоянного и пристального внимания.

Али переговорил об обстановке на вверенных участках с каждым оперативным сотрудником тайной полиции.

* * * * *

В результате активизации агентурно-оперативной работы по армянской линии в поле зрения тайной полиции Сиваса попал предприниматель Карапет Акоюн (по тур. – Карапет оглы Петик), на активно развивающемся предприятии которого из двухсот постоянных сотрудников более ста пятидесяти человек были армянами.

Информацию о Карапете ранее докладывали как агенты, состоящие на связи у самого Али, так и конфиденциальные источники, состоящие на связи у других оперработников. Согласно агентурным донесениям складывалась следующая картина: Карапет Акоюн - перспективный предприниматель, чьи коммерческие интересы известны далеко за пределами вилайета. При таком положении дел, как отчетливо представлял себе заместитель начальника тайной полиции, Карапет с большой вероятностью в скором времени мог попасть в поле зрения оперативных сотрудников Центрального аппарата тайной полиции в Константинополе, которые непременно бы заинтересовались им в плане вербовки. В таком случае руководство тайной полиции страны получило бы достаточно осведомленного агента, который снабжал бы их напрямую информацией о событиях в Сивасском вилайете, минуя тайную полицию Сиваса. Ничего хорошего такое положение вещей не сулило бы как Али, так и Мустафе. Поэтому Али принял однозначное решение срочно взять Карапета в изучение с целью привлечения к сотрудничеству в качестве агента. Вербовку и дальнейшую работу с Карапетом, как с конфиденциальным источником информации, Али планировал осуществить самостоятельно. Сбор характеризующих Карапета материалов, выяснение данных о его предприятии и личном окружении, Али возложил на молодого, но достаточно энергичного полицейского по имени Масут, которого при этом особо ориентировал на получение материалов о возможных проблемах Карапета, связанных с выплатой налога на прибыль и покровительственного налога, выплачиваемого армянами местной знати.²⁹

Проинструктированный начальником, Масут встретился с тайным осведомителем, работающим уполномоченным по сбору налогов на прибыль. Как оказалось, Карапет в финансовых взаимоотношениях с властями старался быть прилежным и каких-либо нареканий старался не допускать. Отработав задание по уточнению налоговой истории, Масут стал собирать характеризующие данные как на Карапета, так и на его ближайшие связи. Окружение, с которыми агенты Масута под различными предлогами провели беседы, характеризовали Карапета как делового порядочного человека, придерживающегося умеренных политических взглядов. Вместе с тем, как отмечали агенты, его двоюродные братья в 1895 году участвовали в антиправительственных акциях, за что и понесли серьезные наказания.

Собрав необходимый объем информации, достаточный, по мнению Масута для вербовки Карапета, он пришел с докладом к своему непосредственному руководителю.

Али внимательно выслушал доклад подчиненного о проделанной работе. Конечно, тот проделал немалую работу, но Али был сторонником «попридержать в кармане козыри», чтобы в случае отказа от сотрудничества он мог бы надавить на Карапета. Выдержав небольшую паузу, Али произнес:

²⁹ Покровительственный налог был введен как дань бандитствующим «авторитетам», которые взамен этому должны были содействовать властям в подавлении народных выступлений. Армянам чаще навязывали в качестве «местной знати» главарей курдских банд

– Для выхода на вербовочную беседу с этим человеком необходимо иметь какие-то рычаги. Надежд на то, что он легко пойдет на секретное сотрудничество с тайной полицией мало. Да и тот факт, что его родственники в 1895 году участвовали в акциях против империи, может говорить о многом.

Произнеся эти слова, заместитель начальника встал из-за стола и стал в задумчивости ходить по кабинету из угла в угол, пытаясь просчитать дальнейший ход событий. Масут молча стоял на своем месте, выжидая дальнейших действий руководителя. Он знал, что Али-бей хорошо относится к нему, поэтому старался выслужиться, не стесняясь подчеркнутого чиновничества, так как твердо был уверен, что его служебная карьера при такой линии поведения будет непременно успешной.

Наконец Али остановился и, переведя взгляд на какие-то бумаги на столе, произнес, явно обращаясь к подчиненному:

– Еще раз встретиться со своим агентом-налоговиком, пусть он в процессе очередного сбора налогов намеренно недоберет небольшую сумму с этого гяура. Это позволит при необходимости обвинить его в злостной неуплате налогов. Такой рычаг поможет нам в предстоящей вербовочной беседе.

Масут смотрел на своего начальника преданным взглядом, всем видом показывая восхищение гениальностью последнего.

– Если уловил, что тебе надо делать - вперед, выполняй, – завершил Али.

Ованес и конспиративная работа с боснийцем

В один из весенних дней 1904 года, как и договаривались ранее, Ованес встретился с мусульманином Айдаром. Боснийцу импонировал жизнерадостный богатый по его меркам армянин. Он тянулся к Ованесу еще и потому, что испытывал дефицит общения с культурными людьми. Айдар с удовольствием принял предложение Ованеса пропустить пару-тройку бокалов пива в одном из городских заведений.

Пройдя в помещение, Ованес и Айдар заняли столик у окна. Народу на этот раз было немного, поэтому собеседники могли свободно общаться, не волнуясь, что кто-то их потревожит. Ованес рассказал, что в последнее время сильно устает, так как поступает много заказов от деловых людей города. Ованес намеренно, как бы дразня боснийца, подчеркнул, что и прибыль предприятия в связи с этим возросла. Не забыл он отметить и то, что, возможно, его семейное положение в скором времени поменяется, в связи с чем дополнительные средства для него не будут лишними.

В свою очередь Айдар сообщил, что и у него значительно возросла нагрузка на работе, в связи с расширением складов, однако материальное стимулирование осталось прежним. Босниец неоднократно пытался поговорить с руководителем о повышении заработной платы, но тот и слышать его не хотел. При этом ему было сказано, что он имеет право в любой момент уволиться, если не устраивают условия оплаты.

– Здесь хоть такую зарплату выплачивают, – продолжал босниец. – В другом месте и того не будет.

Ованес уже давно присматривался к Айдару. Он отличался своим менталитетом, сказывалось европейское происхождение: сдержан, умеет выслушать собеседника. Воспитывая пятерых детей, босниец всегда испытывал недостаток в средствах.

Планируя приобрести через боснийца оружие, Ованес как раз и рассчитывал на его хроническую потребность в деньгах. По мнению не имеющего опыта подпольной работы Ованеса, собеседник «созрел», и его уже можно было постепенно подводить к делу. Размышляя таким образом, Ованес, как бы невзначай, проронил:

– К нам поступают заказы на продажу и покупку разных товаров. Мы не все успеваем выполнять, поэтому за некоторые и не беремся. Вот недавно подходил один человек и просил

достать ему десятизарядное ружье для самообороны: предлагал очень большие деньги, но мы отказались. Даже не представляю, как мы можем удовлетворить его потребности?

Ованес говорил об этом заказе как бы промежду прочим, не смотря на боснийца. Завершив, он резко развернулся в сторону собеседника:

– А может, еще по кружечке и чего-то вкусенького, а? – нарочито весело произнес армянин.

От Ованеса не ускользнуло, что лицо боснийца стало серьезным и он, стараясь не выказывать эмоций, повернулся к окну. Чуть затянув с ответом, Айдар повернулся в сторону Ованеса, и, стараясь выглядеть невозмутимым, проронил:

– Можно и по кружечке, а к пиву давай закажем наше традиционное - нарезанные помидорчики с огурцами, маслинами, сырными трубочками и котлетами.

Ованес не сомневался, что Айдар понял его намек и какое-то мгновение осмысливал услышанное. Возвращаться к этому разговору в этот раз Ованес больше не планировал. Он был уверен, что, испытывающий потребность в средствах, босниец сам возобновит беседу, если посчитает нужным.

Желая полностью на сегодня закрыть эту щепетильную тему, Ованес неожиданно предложил:

– А не пойти ли нам с тобой сейчас в баньку, распарить кости?

Ованес правильно рассчитал - напряжение с лица боснийца сразу слетело, и он уже весело отвечал согласием:

– Конечно! От посещения бани я никогда не отказывался - ведь это праздник и тела, и души.

Рассчитавшись, молодые люди последовали на соседнюю улицу, где находился хамам.

Айдар практически бежал в хамам, ведь он был большим любителем водных процедур. В этом вопросе он мог дать фору Ованесу – хорошо знал историю хамама, культуру которого турки переняли от византийцев, последовательность банных процедур, их оздоровительный эффект и многое другое.

Али и Карапет

В соответствии с указанием руководителя Масут проинструктировал агента на предмет намеренной «ошибки» в налоговых платежах Карапета. При первой же компании по сбору налогов агент не добрал с Карапета небольшую сумму платежей в бюджет империи. Теперь Карапета можно было бы обвинить в намеренном сокрытии средств от налогообложения, что строго каралось законом.

В один из дней Карапета вызвали в администрацию, якобы для уточнения некоторых производственных вопросов. Приглашение бизнесменов было частой практикой, поэтому Карапет спокойно направился в администрацию. Пройдя в здание, он проследовал в указанный кабинет. В комнате находился незнакомый ему человек, который, наклонившись над столом, изучал какие-то документы. Согласно административному этикету, Карапет произнес дежурное «Да здравствует падишах».

– Меня вызвали по какому-то вопросу, – сказал Карапет и застыл в ожидании реакции незнакомца.

– Да, это я пригласил вас на встречу, – произнес мужчина. – Я заместитель начальника тайной полиции вилайета. Зовут меня Али-бей, и я хотел бы обсудить с вами ряд интересующих вопросов.

– Если чем-то смогу быть полезным вам, эфенди, давайте обсудим, – удивленно произнес Карапет, в задумчивости растягивая слова.

Ранее Акоюн неоднократно слышал страшные истории про этого жестокого полицейского, но ему никогда до этого не приходилось сталкиваться с ним. Карапет сразу внутренне напрягся и приготовился к явно ничего хорошего не предвещающей ему беседе.

Али научился хорошо ориентироваться в людях, за короткое время общения с человеком мог составить психологический портрет собеседника и найти к нему индивидуальный подход. Вот и сейчас он решил начать беседу издали, пытаясь прощупать и понять собеседника.

– Я много хорошего слышал о вашем развивающемся производстве, – начал Али, – и мне приятно, что в нашем вилайете есть люди, которые хорошо трудятся на благо нашей империи.

Начав разговор о предприятии Карапета, Али продолжил его рассказами об известных людях города, их достижениях, патриотическом порыве при выполнении своего долга, как перед султаном, так и всей империей.

В знак признательности за высокую оценку Карапет слегка наклонил голову, чем выразил благодарность за сказанные слова.

– Вам, наверное, трудно развивать в провинции предприятие, которое по своему уровню может конкурировать со многим столичными модными домами? – спросил Али, приглашая застывшего собеседника к беседе.

– Скрывать не буду, эфенди, совсем нелегко дается тот успех, о котором вы говорите, – наконец-то включился в беседу Карапет. – Помимо коммерческих рисков, которые сопровождают предприятие, мне приходится постоянно сталкиваться с рисками, связанными с угрозами при перевозке товаров и сырья в другие регионы. Караваны часто сталкиваются с разбойниками, поэтому приходится нести дополнительные расходы, связанные с охраной имущества, что влечет за собой удорожание товара.

Внутренне Али был доволен ходом беседы, ведь ему удалось нащупать общую тему для разговора и создать основу для дальнейшего конфиденциального общения, в процессе которого он должен изучить Карапета и определиться в целесообразности привлечения к сотрудничеству в качестве агента тайной полиции.

– Многие испытывают проблемы от разбойников на дороге. Меня именно этот вопрос и интересует, поэтому я вас и пригласил сюда. Полиция прикладывает огромные усилия для борьбы с этим постыдным явлением, которое мы еще не искоренили в нашей стране, не все у нас получается как хотелось бы. Без помощи подданных империи мы не можем вести полноценную борьбу с таким видом преступления.

В качестве примера Али рассказал об имеющейся ориентировке по поиску разбойников, ограбивших в прошлом году почтовую карету, перевозившую деньги из Эрзерума в Трабзон. Согласно ориентировке несколько жандармов в ходе этого разбойного нападения было убито, пропала большая сумма наличности. В Константинополе не исключали, что преступление могли совершить лица, временно находившиеся в Трабзонском вилайете, поэтому их поиск осуществляется во всех регионах империи.³⁰

Сообщив эту информацию, полицейский вплотную подошел к собеседнику и продолжил:

– Если когда-нибудь вам что-то станет известно о подобной криминальной деятельности, прошу незамедлительно найти лично меня и проинформировать об этих фактах. Особо прошу обратить внимание на людей, расходы которых увеличились несоразмерно заработкам. Несоответствие расходов доходам является признаком преступного происхождения средств, что может помочь нам выйти на след преступников.

Хотя Али интересовала информация об армянах, согласно канонам оперативной работы, направлять непроверенного человека на объект заинтересованности спецслужбы категорически воспрещалось.

Сам же Карапет был несказанно рад окончанию столь неожиданной беседы, тем более, что никаких проблем в ходе нее, как казалось на первый взгляд, не всплывало. Поэтому он достаточно бодро ответил полицейскому:

³⁰ Б. Торлакян «Воспоминания о Йомуре», «Амшен-Понтос», Сочи-Туапсе, 2015, с.15. В 1905г. по дороге из Эрзерума в Трабзон членами освободительного движения действительно была ограблена почтовая карета.

– Информировать столь уважаемое ведомство о тяжелых преступлениях обязанность каждого подданного империи. И вы, эфенди, не сомневайтесь, я обязательно так и поступлю.

– Ну, вот и чудесно, – проговорил Али. – Только у меня одна просьба - никому не сообщайте о нашей встрече и о характере состоявшейся беседы, ибо вы можете насторожить преступников, да и в вашем деловом окружении это может быть воспринято неоднозначно.

В этот момент Али остановился, сделал паузу, как будто припоминал что-то, и продолжил:

– Подойдите, пожалуйста, на следующей неделе во вторник в это же самое время сюда; мне обещали занести карту с маршрутами коммерческих караванов. Хотелось бы знать ваше мнение о безопасности тех или иных маршрутов, – проговорил заместитель руководителя тайной полиции Сиваса.

Не смея отказывать, Карапет скрепя сердце ответил согласием на следующую встречу и вышел из кабинета. Интуитивно он чувствовал, что встречи с этим человеком ничего хорошего ему не сулят.

Геворг в Шапин-Карахисаре

После проведенной помолвки прошло достаточно много времени. Ованес готовился к свадьбе, которую по согласованию с родственниками наметили на осень 1905 года. Планировалось пригласить также и родню из деревни, где к тому времени объем сельскохозяйственных работ пойдет на спад.

Пока же Ованес целиком погрузился в рабочие вопросы бизнеса, а также в проблемы организации подполья. Костяк группы, по его мнению, подобрался из числа патриотично настроенных ребят, умеющих хранить тайну и выполнять задачи. Необходимо было наладить работу, связанную с конспирацией, углублением идейного воспитания, умением вести работу в массах и т.п. Чем больше Ованес вникал в работу, тем больше начинал понимать, что, не имея опыта подпольной деятельности, они могут допустить ошибку, чреватую фатальными последствиями. Именно из-за этого Ованес уже дважды переносил очередное собрание группы.

Проблема разрешилась неожиданно – в Сивас приехал тот самый молодой фидаин Погос, который провожал Геворга после беседы с Смбатом Борояном. По поручению руководства фидаинов Погос ознакомился с деятельностью группы Ованеса, побеседовал с активистами, справился о планах и намерениях движения. Он оказался достаточно опытным и информированным человеком, и дал много дельных советов Ованесу. В процессе личной беседы Погос предупредил Ованеса, что осведомители фидаинов, работающие в тайной полиции, сообщили о направленном во все вилайеты империи циркуляре, в соответствии с которым усиливается работа по противодействию армянскому движению сопротивления. В связи с этим руководство фидаинов рекомендовало в ближайшее время не предпринимать никаких самостоятельных невзвешенных действий, чреватых последствиями. Задача сбора и передачи средств по-прежнему оставалась актуальной, а вот все остальные активные мероприятия в обязательном порядке рекомендовалось свернуть до особых распоряжений.

Получив четкие инструкции по дальнейшим действиям, Ованес наконец-то решился провести очередное собрание, на котором были распределены ответственные по направлениям работы. Так, Ованес оставил за собой общее руководство и координацию взаимодействия членов группы. За Давидом, Хачатуром и еще двумя подпольщиками закреплялась работа в сельской местности вилайета. Финансистом был учитель Геворг; он же был назначен ответственным за работу в горном Шапин-Карахисаре.

Впервые за долгое время с момента создания подпольной группы Ованес почувствовал удовлетворение и ясность в дальнейших действиях.

* * * * *

Своим заместителем Ованес назначил Геворга, имевшего, несмотря на молодость, большой авторитет среди армян Сиваса. С детства он мечтал стать учителем школы, и просил роди-

телей помочь исполнить мечту. Когда он немного подрос, отец отправил его в столицу на учебу в Центральную гимназию, готовившую учителей для армянских школ. Геворг с отличием окончил заведение и был принят на работу в армянскую школу Сиваса.

Поначалу дети с недоверием отнеслись к молодому учителю, однако Геворг сумел завоевать доверие, а затем и уважение учащихся. Он старался находить индивидуальный подход к каждому ученику. При этом Геворг особые усилия направлял на воспитание так называемых трудных подростков, за что родители были безмерно благодарны педагогу.

Среди неблагополучных учеников Геворга особенно выделялся девятилетний Левон. Непоседа, вечно дравшийся с погодками, Левик, как его ласково называли родители, вызывал неприятие многих учителей. Однако Геворг уловил в ребенке то, что заставило учителя относиться к Левону с некоторым уважением: при всей шаловливости, он отличался обостренным чувством справедливости.

Вот и теперь, собираясь в дорогу в Шапин-Карахисар, Геворг думал о своем ученике Левоне, с которым после очередной его шалости планировал переговорить и наставить на путь истинный.

* * * * *

Городок Шапин-Карахисар, который армяне раньше, как и протекающую через него реку, именовали Келкит, был очень древним. Армяне жили в нем со времен Тиграна Великого, занимаясь ремеслом, сельским хозяйством, торговлей. Мужчины также промышляли охотой на медведей, кабанов, лис и зайцев. На оленей шапинкарахисарцы принципиально не охотились, так как это считалось греховным делом.

Некоторые мужчины города выезжали на заработки в Россию, где занимались в основном табаководством. Так как по изданному в 1897 году закону отходничество за рубеж было запрещено, армяне выезжали тайно. Некоторые из них предпочитали назад не возвращаться.

Главной достопримечательностью Шапин-Карахисара являлась крепость времен Помпея, названная изначально Колония, а затем переименованная в Никополис.

Примечание: фото крепости Шапин-Карахисара взято из свободного

доступа в интернет

В Средние века город был известен своими переписчиками армянских текстов. Многие рукописи считались произведениями искусства и были переданы на хранение в различные музеи.

* * * * *

Дорога до Шапин-Карахисара проходила по горной местности и считалась достаточно сложной, поэтому Геворг добрался до места лишь к вечеру следующего дня. Остановился он в доме своих родственников Тораманянов, сын которых Торос был известным архитектором.

На следующий день рано утром, позавтракав, Геворг в первую очередь решил встретиться со священником армянской церкви Тер-Вагинаком Торикианом, с которым еще в прошлые приезды в город несколько раз беседовал в основном на образовательные темы, ведь церковь и сама принимала активное участие в развитии школ и культурных центров. На этот раз Геворг планировал попросить Тер-Вагинака порекомендовать ему обеспеченных армян, которые могли бы оказать содействие в сборе средств для фидаинов.

Тер-Вагинак уже несколько лет служил в церкви Шапин-Карахисара и за это время сумел завоевать авторитет у прихожан за любовь к людям и безмерную преданность идеалам христианства.

Войдя во двор церкви, Геворг прошел внутрь помещения. Ему нравились маленькие церквушки: отсутствие излишней помпезности позволяло сполна прочувствовать особую атмосферу христианской искренности. В зале находились две женщины, которые зажгли свечи и, прикрыв глаза, тихо молились. Геворг тоже зажег свечку и полушепотом прочитал «Отче Наш». Затем он вышел из церкви и проследовал в дальний угол двора, где находилось служебное помещение священника.

– Благословите, Святой Отец, – произнес Геворг, войдя в помещение священника.

Тер-Вагинак тепло поприветствовал Геворга, положив руку на его голову.

– Давно тебя не видел. Что занесло тебя в наши холодные края? Присаживайся, сын мой, – произнес Тер-Вагинак, пододвигая стул. – Рассказывай, как ты, как твои ученики?

Геворг присел и обвел взглядом комнату. Здесь ничего не поменялось с прошлого его прихода. Та же обстановка: на стенах изображения Святых Ликов, над столом небольшая картинка с изображением любимого всей паствой Католикоса Всех армян Хримяна Айрика.

По теме образования Геворг мог рассуждать часами, ведь ему нравилась работа учителя. Но сегодня его беспокоили другие проблемы, поэтому, немного остановившись на вопросах воспитания и обучения детей, он переключился на тему, из-за которой прошел длинный путь.

– Тер-Вагинак, люди вновь обеспокоены; еще не прошли страхи по событиям десятилетней давности, как над нами вновь нависают «тучи», – начал Геворг.

Священник и сам понимал, что творится в империи, как сложно стали жить армяне в последние годы. Мимо него не прошли тревоги, о которых рассказывал Геворг, ведь о них священнику приходилось слышать от прихожан практически ежедневно. Тер-Вагинак и сам готов был часами рассказывать Геворгу о проблемах простых армян. Но в своей беседе священник ограничился лишь некоторыми характерными примерами, указывающими на то, что христианское население Шапин-Карахисара планомерно выдавливается со своих земель, а на их места при поддержке властей заселяются мусульмане. А в случае же каких-либо конфликтов власть всегда занимала сторону мусульман.

– Тер-Вагинак, армяне Сасуна и Муша уже поднялись на свою защиту, – эмоционально продолжил Геворг. – Вам известно, что возглавляет движение фидаинов выходец из Шапин-Карахисара Андраник Озанян. Им нужна финансовая помощь, и наш долг оказать содействие.

Порекомендуйте, пожалуйста, обеспеченных людей армян, с кем можно было бы поговорить о помощи нашим гайдукам.

Священник давно знал своего молодого собеседника и доверял ему. Если бы Тер-Вагинак хоть чуть-чуть сомневался в Геворге, он бы и слушать его не стал, так как церковь находилась под особым контролем властей. Каждый священник был проинструктирован на предмет возможных провокаций. Понимая всю остроту момента, священник старался быть осторожным, однако, в данном случае ему очень хотелось помочь Геворгу. Поразмыслив немного, Тер-Вагинак пообещал в течение двух дней переговорить с некоторыми людьми, которые могут оказать содействие.

Пообщавшись со священником еще немного на бытовые темы, Геворг отправился к родственникам.

* * * * *

Тер-Вагинак сдержал слово, он нашел обеспеченных армян города, выразивших желание оказывать поддержку фидаинам на условиях конфиденциальности. Встретившись с ними, Геворг договорился, что в целях безопасности шапин-карахисарские благотворители будут передавать средства непосредственно в Сивасе, куда периодически приезжают по делам.

Профилактическая работа тайной полиции

Следуя своей старой привычке, Али пришел на службу раньше положенного, прослушал доклад дежурного о происшествиях за истекшие сутки и принялся изучать дела, находящиеся в его производстве. Оперативная ситуация в вилайете, согласно сообщениям дежурного, была спокойной. Но внутреннее чутье подсказывало заместителю руководителя, что ситуация в любой момент может обостриться и произойдет это на армянском направлении, ведь в соседних вилайетах все чаще властям приходилось умирять армян, пытающихся изменить отношение к себе, особенно в вопросе выплат налогов местной знати, сплошь состоящей из курдов. Али давно знал, что бандитствующие курды на самом деле никак не могли представлять цвет османского общества; они лишь использовались властью в борьбе против армян. Но это обстоятельство для него ничего не значило, ведь он и сам готов был без усталости давить непокорных гяуров.

В начале рабочего дня Али отдал распоряжение: в ближайшее время полицейским провести беседы со всеми агентами и обычными гражданами, в особенности, работающими на режимных объектах, на предмет выявления возможных незаконных действий со стороны армян.

* * * * *

В соответствии со штатным расписанием тайной полиции за Масутом были закреплены городской рынок, некоторые службы администрации вилайета, а также воинская часть, расположенная рядом с администрацией. Именно на этих объектах и предстояло Масуту беседовать с персоналом, выяснить возможное наличие фактов армянского экстремизма, а также провести соответствующие инструктажи агентуры. Проведение подобной работы на первых двух объектах не вызывало трудностей у полицейского. Оперативные источники на рынке отличались своей покладистостью в выполнении заданий оперативного работника, ведь они достаточно часто и сами обращались к полицейскому с различными просьбами. Чопорные же сотрудники администрации, надменно поглядывавшие на простых горожан, со страхом относились к стражам порядка, располагающим информацией о взяточничестве в этой среде, поэтому не смели в чем-то перечить их просьбам и требованиям. Особые вопросы возникали при работе с сотрудниками воинской части, служащие которой напрямую подчинялись военному ведомству страны, а с администрацией и соответствующими гражданскими структурами соприкасались лишь в силу месторасположения. Вместе с тем сотрудники воинской части, являясь полноценными гражданами империи, обязаны были выполнять требования и гражданского законодательства, поэтому предписания территориальных структур отчасти распространялись и на

них. Руководствуясь этими положениями, а также соглашениями тайной полиции страны со службой Askeri İnzibat, поддерживающей порядок в рядах вооружённых сил империи, Масут проследовал на заранее оговоренную встречу с командиром воинской части, где хранились запасы армейского оружия и боеприпасов к ним. У входа на территорию части Масута встретил молодой военный, который провел его в большое помещение, где их уже ожидал персонал для проведения беседы.

Встреча с личным составом части получилась непродолжительной и, как поначалу полагал Масут, малопродуктивной. На всякий случай, он оставил свои контактные данные, поблагодарив руководство за оказанное содействие, попрощался с персоналом и вышел из расположения части.

Как оказалось, Масут не зря провел встречу: вечером к нему в кабинет пришел сотрудник войсковой части по имени Айдар. Боснийский мусульманин подробно рассказал о своих контактах с Ованесом, характере общения, передал содержание последней беседы с армянином.

– Как мне показалось, – продолжал Айдар, – Ованесом в завуалированной форме было сделано предложение заняться хищением с военных складов оружия для последующей продажи кому-то из заказчиков.

Масут очень внимательно слушал боснийца, ведь представленная им информация строго укладывалась в рамки работы, на которую нацеливала ориентировка, поступившая из Константинополя. Подробно опросив Айдара по предоставленным сведениям, Масут поблагодарил его за бдительность и попросил держать информацию втайне. Договорившись об очередной встрече, полицейский распрощался с боснийцем.

В приподнятом настроении Масут принялся расхаживать по кабинету, раздумывая как лучше доложить начальнику полученную от Айдара информацию. Данные боснийца явно представляли интерес, требовали проверки и проведения углубленной оперативной работы.

Наказание бандитов

После очередной поездки в мае 1905 года в командировку в Эрзурум караван Ованеса возвращался в Сивас. Глубокой ночью они решили переночевать в армянском селении, чтобы лишний раз не подвергаться угрозам встречи с бандами разбойников, число которых в последние годы значительно возросло. Ованеса пригласил к себе на ночлег престарелый армянский священник Тер Мушег. Благо в доме духовного пастыря было много места, так как жили они вдвоем с супругой. Во время ужина Тер-Мушег расспросил гостя о его работе, о церквях и монастырях Сиваса, в которых священник периодически бывал по долгу службы. Ованес рассказал о буднях городской жизни армян, о священнослужителях и прихожанах армянских церквей. В свою очередь Тер-Мушег поведал о жизни сельчан, о проблемах, которые преследуют прихожан.

– В последнее время турки и курды сильно безобразничают у нас, – рассказывал священник. – Недавно приходили сборщики налогов собирать джизью. Мало того, что им в полном объеме выплатили джизью, так они потребовали выплатить им такую же сумму для своих личных нужд. Не желающих платить дополнительно наказывали ударами палок, а вооруженные жандармы оказывали им всяческое содействие.

От рассказа священника Ованеса все больше охватывало чувство негодования.

– До коих же пор это будет продолжаться? На нашей же земле мы терпим лишения и унижения, – возмущался Ованес.

Лицо обычно спокойного уравновешенного Тер-Мушега помрачнело, глаза от негодования налились кровью, он продолжил:

– Этих мюльтезимов еще можно стерпеть, ведь потеря средств всегда восполнима. Но когда приходят собирать покровительственный налог – это настоящая беда. Османы навязали нам в качестве знати курдов, вот они-то по-настоящему и зверствуют. Совсем недавно к нашему заболевшему сельчанину Самвелу пришли за этим налогом. Когда выяснилось, что

он не в состоянии его выплатить, курды стали надругаться над его женой и дочкой. Самвел вступился за них, но его зарубили. Забрав часть имущества, курды ушли. Под утро мы нашли истерзанную семью.

Рассказав это, священник умолк и долго всматривался вдаль, будто где-то там пытался найти ответы на будоражившие сознание вопросы. Его старческие руки сжались, глаза повлажнели.

– Соседи рассказывали, что по голосам признали в курдах - Рашида, Кочара и Фирхада, проживающих в соседнем селе. Они периодически навещают в наши места, угрожая безоружным армянам расправами.

После этого разговора Ованес долго не мог уснуть, в мыслях уже мстя обидчикам армян. Так и не уснув, наутро он простился с гостеприимным хозяином и продолжил свой путь в направлении Сиваса.

Для себя Ованес однозначно решил, что непременно найдет этих негодяев и отомстит за убитого больного и его поруганную семью.

Вернувшись в Сивас, Ованес встретился с Петросом, Хачатуром и Давидом, с которыми поделился историей сельчанина Самвела.

– Вооруженные курды стали терроризировать армянское село сразу же с того, как власти разрешили им поселиться рядом с нашими соотечественниками, – возмутился Ованес.

– Было бы у армян оружие, курды бы себя так не вели, – поддержал товарища Хачатур.

Армянская молодежь еще долго обсуждала происшедшее, возмущаясь властями, создавшими условия для нещадного угнетения разоруженного армянского народа на его же землях.

Накануне у Ованеса созрел план жесткого наказания убийц за учиненный беспредел, о чем он поделился с товарищами. После детального обсуждения плана Ованеса и корректировки отдельных пунктов, было решено претворить его в жизнь в ближайшее время.

* * * * *

Через несколько дней из Сиваса в направлении Эрзурума выехала повозка, в которой находилось четыре человека - ветеринар-левантиец³¹ по имени Лука, его ученик, и двое сопровождающих турок.

Одетый по-европейски, Лука выглядел элегантно - черные усики на слегка загорелом добродушном лице, аккуратный европейский нос и благородная осанка подчеркивали его статусность. Профессионализм Луки не вызывал сомнений, ведь он получил образование в лучших учебных заведениях Австро-Венгрии, долгое время стажировался во Франции, изучая совершенно новые методики лечения животных: лошадей, коров и овец. Он не отказывал и владельцам больных собак и кошек, отношение к которым в империи чаще было более гуманным, чем к людям.

Проехав «долгий путь» под палящим солнцем, путники сильно устали. «Случайно», увидев перед собой курдское село, Лука и его сопровождающие решили остановиться на ночлег.

Простиравшееся перед ними село мало чем отличалось от подобных курдских поселений, выделявшихся своей традиционной средневековостью: плосковерхие крыши наспех построенных домов, амбары из дикого камня, стога кизяка.

Путники разыскали сельского мухтара³² по имени Акрам. Одетый по курдским обычаям в широкие брюки сервал, опоясанные на талии пштени и чалме на голове, он выглядел типичным представителем своего народа. Представившись, путники попросились на ночлег, пообещав щедрое вознаграждение.

Когда мухтар узнал, что среди них имеется опытный ветеринар, располагающий передовыми технологиями лечения животных, он несказанно обрадовался этому.

³¹ Левантийцы - потомки крестоносцев, осевших в Анатолии

³² Мухтар - староста

– Уважаемый Лука, – обратился Акрам, – наше селение испытывает большие трудности от отсутствия ветеринара. Падеж овец достиг больших масштабов, мы несем убытки. Не могли бы вы оказать помощь в лечении животных? Наверняка, пару-тройку дней будет достаточно, чтобы разобраться с проблемой? Мы оплатим. На весь этот период мы предоставим вам и вашим спутникам самые лучшие условия проживания, естественно, за наш счет.

Посоветовавшись, путники выразили готовность остаться у курдов на несколько дней для диагностирования и лечения животных.

Мухтар поручил разместить их в одном из добротных домов, предоставив две комнаты на втором этаже, полностью устланные коврами: более лучшую - Луке, другую - трем его сопровождающим. Зайдя в дом, молодые люди зажмурились от смрада, резавшего глаза. Люди в доме жили на втором этаже, а на первом этаже в полуподвале находились животные; испарения от их нечистот поднимались вверх, пропитывая запахом постели, ковры и стены.

Осматривая на следующий день животных, опытный ветеринар сразу диагностировал отравление. Перекочевав на новые территории, овцы курдов попали на луга, обильно поросшие ядовитыми растениями, а также новыми видами трав, вызывающими раздражение желудка животных.

В этот же день по рекомендации ветеринара курды приступили к промыванию желудков больных овец водой с растительным маслом и солью. А тем временем Лука изучил пастбища и определил, что причиной болезни овец оказались птичий трилистник, зверобой и ложная чемерица.

Пока ветеринар и его ученик занимались лечением овец и выявлением ядовитых трав, двое его сопровождавших тоже не теряли времени зря. Переодетые в турецкие одежды, Ованес и Петрос, стараясь не вызвать опасений местных жителей, в разговорах с ними пытались выявить среди них курдов по имени Рашид, Кочар и Фирхад, принесших столь тяжелое горе в семью сельского армянина. Лишь на третий день им удалось выяснить, что, действительно, такие люди проживают в селе и сльвут удачными разбойниками; они неразлучные приятели и любое свободное время проводят вместе. Так, выяснилось, что они часто собираются и допоздна играют в доме Кочара в «Турецкие шашки», ставшие в последнее время популярной игрой среди курдской молодежи.

Получив максимально полную информацию об этих курдах, переодетые в турок армяне договорились завершить операцию по их ликвидации на седьмой день нахождения в селе. Фактор неожиданности, по мнению ученика ветеринара, коим был Хачатур, играл им на руку.

На следующий день, после вечернего намаза, во время которого армянские юноши удалялись в свою комнату, имитируя проведение обряда, они проследовали к дому Кочара. Проходя мимо, армяне, «случайно» услышали громкие возгласы игроков, доносившиеся во дворе из-под навеса, где находились три молодых курда. Гости представились умелыми игроками, в связи с чем были приглашены под навес. Игра продолжалась практически дотемна, затем она неожиданно прекратилась, а голоса стихли.

Только под утро курды обнаружили Рашида, Кочара и Фирхада, лежащими на полу с перерезанными глотками. А ветеринар Лука и сопровождающие его лица исчезли.

Прибыв в Сивас, ребята переоделись и разошлись по домам. Привлеченного к операции ветеринара-левантийца на следующее утро проводили в дорогу. Он давно собирался покинуть Османскую империю, и уехать на жительство на родину своих далеких предков - в Европу.

Карамет и Мовсес о беседе с Али

Прошло уже несколько дней после неожиданной беседы с сотрудником тайной полиции, но смутные сомнения продолжали одолевать Карамета. Почему именно с ним решили встретиться, почему вопросы транспортной безопасности были заданы ему, ведь он всего лишь производитель перемещаемых товаров и потребитель завозимого сырья? Почему эти вопросы не адресовали людям, профессионально занимающимся приобретением и доставкой грузов? Не

находя ответов на эти вопросы, Карапет решил все же посоветоваться с братом, несмотря на неоднократные предупреждения полицейского соблюдать конфиденциальность и никому не рассказывать о встрече с ним. Так уж сложилось – братья всегда делились секретами и в процессе обсуждения находили наиболее приемлемые решения для выхода из многих сложных ситуаций.

Вот и на этот раз Карапет пришел к брату и в приватной беседе рассказал о состоявшейся неожиданной для него встрече с офицером тайной полиции, прославившим жестоким армянофобом Сиваса. Внимательно выслушав брата, Мовсес тоже удивился проявленным интересом именно к Карапету, а также характером поставленных вопросов. Имея большой опыт общения со столичными и региональными чиновниками, Мовсес догадывался, что функционер не мог ошибиться, задавая такие вопросы Карапету. Видимо, все-таки у полицейского имелся скрытый интерес к его брату, о котором Али скажет позже, когда сочтет нужным раскрыться. По мнению братьев, тайное общение с полицейским ничего хорошего предвещать не могло. Но ведь и отказываться от встреч с сотрудником тайной полиции Карапет не мог. Поэтому они решили не опережать события, а действовать по мере развития ситуации. Братья договорились, что Карапет сходит на очередную встречу и попытается выяснить истинную цель проявленного к нему интереса.

* * * * *

За пару часов до назначенной встречи с сотрудником тайной полиции к Карапету на производство пришел сборщик налогов и стал обвинять его в намеренном сокрытии суммы, причитавшейся к уплате в бюджет. Сборщик объявил, что это деяние является тяжким преступлением, о котором в силу служебных полномочий он обязан информировать вышестоящее руководство. Каких-либо объяснений Карапета тот слушать не стал и демонстративно удалился.

В силу нехватки времени Карапет не смог поделиться данной информацией с братом, так как уже торопился на ранее оговоренную встречу с полицейским чиновником. В расстроенных чувствах Карапет прибыл на встречу с Али, который ожидал его в том же кабинете.

Открыв дверь, Карапет произнес традиционное «Падишахим чок яша» и прошел в помещение. Али ответил на приветствие и подчеркнуто доброжелательным жестом предложил гостю присесть. Как и было оговорено ранее, Али принес с собой карты вилайета и разложил их на столе. Полицейский сразу стал задавать вопросы, на которые Карапет отвечал общими фразами, так как знал о ситуации на дорогах вилайета лишь понаслышке от купцов, с которыми плотно сотрудничал. От Карапета не ускользнуло, что полицейский, получая от него общие поверхностные пояснения, все равно старался делать вид, что он полностью удовлетворен ответами. Завершив эту часть разговора, Али перешел к другой теме, интересуясь положением дел на предприятии Карапета. Когда речь зашла о налогообложении, Карапет неожиданно для себя запнулся, чем ненароком выдал свою взволнованность. После уточняющих вопросов, Карапет вынужден был признаться, что из-за непонятого для него недоразумения, произошедшего по вине сборщика налогов, возникли проблемы по линии налогообложения. Али внимательно, не перебивая выслушал Карапета, выдержал многозначительную паузу и произнес:

– Я постараюсь разобраться с этим вопросом, но попрошу вас никому не говорить о моем вмешательстве в работу сборщика налогов. В империи вмешательство тайной полиции в подобные дела не приветствуется.

Сказав это, Али с обеспокоенным видом, будто жалея о сказанном, поднялся из-за стола и стал прохаживаться по комнате. Казалось, что никакие слова благодарности собеседника он не слышит. Через какое-то время он остановился и посмотрел на Карапета:

– К четвергу я все уточню, подходите в полдень сюда же, возможно, я что-то для вас решу, – бросил полицейский в сторону Карапета, давая понять, что беседа окончена.

Когда Карапет ушел, Али, радостно потирая руки, нараспев тихо произнес:

– Молодец, Масут, четко сработал со сборщиком налогов.

Курды в поисках убийц соплеменников

Поутру, когда курды, найдя трупы соплеменников, обнаружили исчезновение ветеринара с товарищами, мухтар Акрам выслал лучших воинов в погоню за сбежавшими. Одна группа поскакала на лошадях в сторону Сиваса, другая – в сторону Эрзерума. К вечеру люди вернулись и доложили мухтару, что им не удалось обнаружить сбежавших.

Найти и наказать обидчиков было делом чести мухтара, ведь они в первую очередь обманули именно его, и в смерти трех молодых курдов он чувствовал непосредственно свою вину. Понимая, что самим уже найти беглецов не удастся, Акрам решил обратиться за помощью к всемогущей на его взгляд тайной полиции. В этих целях рано утром следующего дня он лично тронулся в дорогу, прихватив с собой в качестве сопровождающих троих молодых курдов. Для решения вопроса мухтар намеревался посетить Сивас и встретиться с кем-либо из руководителей полиции. А чтобы легче было разговаривать с полицейскими чинами, мухтар прихватил с собой крупную сумму, благо мздоимство в империи было распространенным явлением и проблем в связи с этим возникнуть не должно было.

На следующий день они добрались до места назначения и пошли к соплеменнику, длительное время проживавшему в Сивасе.

Старый знакомый мухтара пожилой курд Горан обрадовался гостям и пригласил их домой. По дороге они вспомнили всех общих знакомых. Мухтар рассказал о проблемах с новыми пастбищами, Горан о трудностях с торговлей мясом и шерстью, которым торговали в основном курды и езиды.

Когда они пришли в дом к земляку их встретила пятидесятилетняя жена Горана, одетая в национальную одежду в насыщенных цветов – кофточку джеркрас, поверх которой была накинута полупрозрачная накидка крас. Тепло поздоровавшись с гостями, она проследовала вглубь дома и стала накрывать на стол. Среди выставленных ею блюд выделялись лепешки фясали с мясной начинкой и риса - фатте. После обильного застолья Акрам и Горан уединились за чашечкой чая, а сопровождавшие мухтара курды прошли на отдых в отведенное им помещение.

Выслушав рассказ старого товарища об убийстве трех курдов и уяснив просьбу о встрече с кем-либо из тайной полиции вилайета, Горан пообещал посильное содействие.

* * * * *

Утром, отпустив молодых курдов осматривать достопримечательности города, мухтар с товарищем пошли в направлении полицейского участка, в котором на офицерской должности работал знакомый Горана. Дождавшись, когда закончится утреннее совещание, Горан вошел в участок и через некоторое время вернулся с офицером полиции. На лоснившемся лице толстого полицейского сверкала добродушная сытая улыбка, которая вселяла в мухтара надежду на положительный исход в отношении его просьбы.

Выслушав курда, полицейский задумался и произнес:

– Посоветуюсь-ка я по этому вопросу с руководителем; благо он сейчас на месте. Ведь придется искать преступников по всему вилайету, а команду мудирам³³ может давать начальник полиции вилайета или его заместитель.

К удивлению самого полицейского офицера и Горана заместитель руководителя полиции вилайета Али-бей, уловив суть вопроса, сразу же согласился выслушать мухтара. Приняв курда в своем кабинете, начальник распорядился пригласить на разговор и своего подчиненного Масут-бея.

³³ Мудир - начальник полиции

Заместитель начальника и его подчиненный очень внимательно слушали рассказ мухтара. Будто бы жалея курдов, Али-бей проявил деятельное участие в их судьбе и обещал помочь в розыске преступников.

– Масут, – обратился начальник к подчиненному, – заведи мухтара к себе в кабинет и подробно опроси его о приметах преступников. Окажи уважаемым людям максимум содействия.

Масут стоял и недоумевающе смотрел на начальника.

– Почему такое помпезное внимание он оказывает этим бродягам? Что-то, видимо, начальник задумал, – размышлял подчиненный.

Раздумья Масута прервал его руководитель, обратившись к курду:

– Подождите на улице, мой сотрудник вас пригласит.

Акрам, волнуясь, подошел к столу начальника, положил на него заранее приготовленный пакет с деньгами и вышел. Когда дверь закрылась, Али вплотную приблизился к стоявшему перед ним подчиненному и тихо проговорил:

– Еще раз внимательно выслушай его просьбу. Не важно – найдем ли мы их обидчиков или нет, но этот мухтар нам пригодится. Его, как главу курдского племени, необходимо привлечь к тайному сотрудничеству против гяуров.

Затем повернувшись к свертку с деньгами, Масут разорвал его, поделил содержимое на две части и протянул вторую половину подчиненному.

* * * * *

Лишь через месяц тайной полиции удалось выполнить часть просьбы мухтара – люди Масута вышли на след левантийца, но тот, как оказалось, переехал в Европу, а его поделщиков полицейские так и не нашли.

Но и этой информации оказалось достаточно, чтобы стороны были удовлетворены – Масут помог Акраму сохранить как мухтару свое лицо перед соплеменниками, которым объявили, что ветеринар и его поделщики сбежали в Европу. На роль поделщиков полицейскими предусмотрительно были назначены христиане – два армянина и грек, которые чуть ранее вместе с семьями тайком выехали из империи на жительство в другую страну.

А за оказанную услугу мухтар в процессе вербовочной беседы, проведенной Али и обучающимся этому Масутом, согласился на тайное сотрудничество с полицией против гяуров, которых и сам ненавидел.

Доклад Масута руководству об Ованесе

После работы с мухтаром прошло несколько недель. Работа тайной полиции по армянской линии, на которую нацеливал Константинополь, не изобиловала значимыми результатами. Это раздражало Али, который каждый новый день начинал с выслушивания докладов от подчиненных.

– Ну, докладывай, – подстригая ногти произнес Али, когда в кабинет к нему вошел его протеже, – что там у тебя нового?

Видя, что начальник не в духе, Масут уже пожалел, что вошел в кабинет. Но, пересилив себя, он выдал:

– В соответствии с вашим заданием я провел инструктаж оперативных источников на вверенных мне объектах, нацелил агентуру на сбор интересующей нас информации.

Далее Масут рассказал о проведенном инструктаже в войсковой части и последующей беседе с ее сотрудником, боснийским мусульманином, сообщившим о факте возможного интереса к приобретению оружия со стороны некоего армянина по имени Ованес.

Отложив ножницы, Али сконцентрировал свое внимание на рассказе подчиненного. Усердность и трудолюбие этого полицейского определенно нравились ему. Когда-то, занимаясь поиском кандидатов на службу, Али обратил внимание на Масута. Желающих работать в тайной полиции было много, но Али остановил свой выбор именно на нем, и выходило, что не зря.

– Масут, срочно возьми этого Ованеса в разработку, – наставлял полицейского Али, – направь на его изучение агентуру, собери как можно больше информации о его контактах, характере их взаимоотношений. Будет интересоваться все, что связано с возможной экстремистской деятельностью.

Беседа начальника с подчиненным продолжалась долго. Зная по роду службы об имеющихся возможностях своего подразделения больше подчиненного, Али планировал подключить к разработке Ованеса агентуру и других оперативных работников.

– После того, как изучишь распорядок дня этого гяура, установишь его связи, – продолжал Али, – определимся с необходимостью взятия его под наружное наблюдение. Информационная отдача от наружного наблюдения будет эффективной лишь после предварительного агентурного изучения объекта.

Завершив инструктаж Масута по ведению оперативной работы, Али отпустил подчиненного и продолжил анализировать полученные данные.

* * * * *

– Как видно, тебя затягивают во что-то очень нехорошее, – продолжал Мовсес. – Давай я аккуратно сообщу вали через его людей, что готов отдать золотые украшения бесплатно, только пусть он закроет вопрос со сборщиком налогов, а заодно и конфиденциально переговорит с руководством тайной полиции, чтобы оставили тебя в покое. Вали, являясь фактически наместником султана, пользуется неограниченным влиянием на всех жителей вилайета. Вряд ли руководство полиции захочет портить отношения с могущественным губернатором из-за тебя.

Карапету понравилось предложение брата, ведь он и сам понимал, что его, по всей видимости, затягивают в очень нехорошую ситуацию, чреватую большими неприятностями. А деньги за подарок вали Карапет, конечно же, компенсирует брату.

Вечером Мовсес должен был находиться на работе, куда к нему намеревались прийти люди губернатора для предварительного просмотра заказа, поэтому он поспешил проститься с братом и ушел.

Пройдя по площади мимо медресе, Мовсес проследовал к себе на работу – небольшое помещение, расположенное на первом этаже неприметного здания. Как оказалось, женщины пришли немного раньше оговоренного срока, и ожидали его у входа. Войдя в помещение вместе с Мовсесом, они с любопытством стали осматривать практически завершённую работу мастера. Им понравились классические формы витых браслетов, инкрустированных бриллиантами, рубинами и изумрудами, а также полудрагоценными камнями – сердоликом, аметистом и нефритом. Зная, для кого предназначается браслет, Мовсес, в качестве подарка, использовал в работе достаточно редкую и дорогую технику исполнения «Dinahane Agivisi», в которой вокруг одного крупного бриллианта уложил ряд мелких. Женщины были поражены изяществом работы, долго любовались изделием, и поочередно примеряя его.

– Ваша работа, наверняка, очень понравится вали, и он вас дополнительно отблагодарит, – произнесла одна из женщин, направляясь к выходу.

– Премного благодарен за вашу оценку, – склонивши голову, ответил Мовсес и продолжил. – Да в принципе, я бы мог и без денег это отдать, но у меня имеется одна несущественная просьба к вали.

Женщины переглянулись, удивленно посмотрели на Мовсеса и ушли.

Поздно вечером губернатору, отдохавшему после запоздалой трапезы, доложили, что возвратились женщины, направленные им накануне к Мовсесу. Сроки заказа уже поджимали, поэтому вали велел пропустить их. Докладывая о ходе исполнения заказа, женщины поспешили заверить губернатора, что мастер укладывается в обещанные сроки. Затем, перебивая друг друга, они принялись нахваливать работу мастера, и отметили, что в знак уважения мастер добавил в качестве подарка ряд драгоценных камней, которые выложил на браслете в стиле

«Dinahane Agivisi», не повышая при этом стоимости изделия. Весть о подарке Мовсеса пришла весьма кстати губернатору, склонность к стяжательству которого по мнению окружающих перешагнула все границы. Уловив радостные нотки в голосе вали при слове «подарок», женщины посчитали своевременным сообщить ему, что Мовсес готов преподнести в дар все изделие, но при этом просил бы пойти навстречу в его маленькой просьбе.

– Чего же хочет этот гяур? – пренебрежительно поинтересовался чиновник, пытаясь при этом изобразить полное безразличие.

– Не имея от вас на этот счет никаких указаний, мы не смели задавать ему подобных вопросов, эфенди, – ответила одна из женщин.

Повернувшись к столу со сладостями, вали жестом велел женщинам удалиться, и потянулся за чашечкой чая. После того, как женщины ушли, губернатор подозвал безмолвно стоявшего все это время в углу комнаты слугу, и велел наутро уточнить у ювелира суть его просьбы.

Разработка Ованеса

Уяснив задачу, связанную с оперативной проверкой материалов, полученных от боснийца, Масут приступил к ее исполнению. Эмоции захлестывали молодого полицейского, ведь это его первая серьезная разработка, и отработать ее он намеревался безупречно.

«Не исключено, – мечтательно рассуждал он, – что в рамках этой разработки, возможно, удастся совершить свою первую самостоятельную вербовку». Ведь вся агентура, находящаяся сейчас у него на связи, была получена от других оперативных работников. Первая самостоятельная вербовка в спецслужбах всегда считалась своеобразной «вехой», после которой работник мог чувствовать себя состоявшимся специалистом.

Для получения первичных данных на Ованеса, молодой полицейский привлек агента армянина, функционировавшего под оперативным псевдонимом «Махмуд». На встрече с оперативным работником «Махмуд» рассказал, что он неоднократно сопровождал караваны с грузами, в составе которых находился и Ованес. Характеризуя его, «Махмуд» пояснил, что это достаточно энергичный человек, имеющий большой круг знакомых в армянской молодежной среде. В беседах с армянами Ованес, со слов агента, неоднократно высказывался о необходимости повышения национального самосознания, выражал недовольство притеснениями христиан империи. Вместе с тем, каких-либо радикальных высказываний, а тем более действий, со стороны Ованеса источник не отмечал.

Примерно такую же характеристику Ованесу давали и агенты, находящиеся на связи у других оперативных работников. В условиях жесткой внутривластной системы, выстроенной Абдул-Гамидом II, вольнодумческих настроений Ованеса было достаточно, чтобы причислить его к числу опасных для империи людей и начать преследование.

По приказу Али после очередного возвращения Ованеса из рабочей поездки за ним было установлено наружное наблюдение с целью выявления его контактов. Заместитель руководителя тайной полиции полагал, что одной недели работы службы наружного наблюдения за Ованесом будет достаточно, чтобы выявить все его значимые контакты. Так, на второй день слежки было установлено, что Ованес имел встречу с молодым человеком, который на момент контакта находился в составе группы лиц. Отведя того в сторону, Ованес о чем-то говорил с ним наедине на протяжении более, чем десяти минут. Личность была установлена – Барсег Кароян, 23-летний житель Сиваса, садовник в хозяйстве местного турка. Кароян был взят в оперативное изучение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.